

DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.4

EDN: QISPOB

ВИКТИМИЗАЦИЯ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кучаков Руслан Камилович

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

rkuchakov@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0001-5757-410X

Серебренников Дмитрий Евгеньевич

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге; Kazakhstan Sociology Lab, Корпоративный Фонд

«Фонд El Umiti»,

Астана, Казахстан

serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-2574-3842

Бобриков Дмитрий Дмитриевич

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

d.bobrikov@eu.spb.ru

ORCID: 0009-0005-7403-3213

Бондарьков Сергей Владимирович

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

sbondarkov@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0003-0714-6208

Бочаров Тимур Юрьевич

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
tbocharov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0001-8208-6076

Гегельман Арина Сергеевна

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
a.gegelman@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0007-0405-7273

Дмитриева Арина

Хагенский заочный университет,
Хаген, Германия
aryna.dzmitryieva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4548-0015

Кнорре Алексей Викторович

Университет Южной Флориды,
Тампа, США
aknorre@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-5079-9573

Кудрявцев Владимир Евгеньевич

Университет штата Флорида; Институт проблем правоприменения,
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Таллахасси, США
vkudryavtsev@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6509-9094

Леденев Виктор Владимирович

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
vledenev@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0008-4639-0071

Османов Тимур Энварович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»,
Москва, Россия
osmanovtim@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4065-5787

Скугаревский Дмитрий Анатольевич

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
dskougarevskiy@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-4022-6210

Ходжаева Екатерина Анисовна

Институт проблем правоприменения, Европейский университет
в Санкт-Петербурге; Институт социально-политических
исследований, Университет Париж-Нантерр,
Нантерр, Франция
ekatherina.khodzhaeva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4614-1733

Для цитирования: Кучаков Р. К., Серебренников Д. Е., Бобриков Д. Д., Бондарьков С. В., Бочаров Т. Ю., Гегельман А. С., Дмитриева А., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Леденев В. В., Османов Т. Э., Скугаревский Д. А., Ходжаева Е. А. Викимизация в России: Методологические аспекты исследования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 3(64). С. 110-219. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.4. EDN: QISPOB.

В статье представлены методологические изменения в дизайне первого всероссийского регулярного опроса жертв преступлений (Russian Crime Victimization Survey, RCVS). Эти изменения направлены на повышение репрезентативности и сопоставимости данных. Виктимизационный опрос проводится каждые три года и охватывает период с 2018 по 2024 гг. В конце 2024 года состоялась 3-я волна опроса, в которой приняли участие 14 779 респондентов, причём 3 456 из них составили выборку когортного исследования. В статье основное внимание уделяется методологическим аспектам работы с опросными данными, поэтому представленные результаты будут интересны не только криминологам, но и широкому кругу исследователей. В работе отражено общее видение проблемы полных неответов (unit nonresponse) и подходы к коррекции их последствий. Описан опыт расчета постстратификационных весов (inverse probability weighting, IPW) для кросс-секционной выборки с использованием рэкинга (raking). При расчете весов для лонгитюдной выборки мы использовали параданные опроса: информацию об интервьюерах и дате звонка, что позволило декомпозировать смещение выборки на две главные компоненты: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа, как предписывает теория общей ошибки опроса (total survey error, TSE). В работе систематизированы проводимые в России опросы жертв преступлений, а также обобщен опыт RCVS по использованию телефонных обзвонов (computer-assisted telephone interviewing, CATI).

Ключевые слова: RCVS, виктимизационный опрос, CATI, общая ошибка исследования, TSE, смещение выборки, взвешивание обратной вероятности, IPW, постстратификация, рэкинг.

Благодарности: Авторы благодарят Кирилла Титаева за вклад в разработку дизайна исследования и организацию первых двух волн RCVS, а также Дениса Савельева и всю команду Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге за вовлеченность в обсуждение результатов исследования.

Введение

Виктимизационные опросы (опросы жертв преступлений) — это значимый и иногда единственный источник сведений о преступности. Являясь одной из немногих альтернатив официальным данным о регистрируемой преступности, опросы позволяют выявить случаи, когда жертва преступления не обратилась в правоохранительные органы. Опросы представляют ценные сведения о преступности на уровне жертвы или отдельного преступления, а не в агрегированном виде.

В истории проведения виктимизационных опросов в России можно условно выделить три этапа. В качестве отправной точки укажем 1989 г. — начало систематических опросов жертв преступлений среди жителей Санкт-Петербурга [1]. Исследования начинались с проведения городских или региональных опросов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Со временем отдельные вопросы о виктимном опыте, страхе перед преступностью и взаимодействии с правоохранительными органами стали проникать в анкеты общенациональных опросов (омнибусы ФОМ, ВЦИОМ и Левада-Центра¹, «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата»). Затем появились общенациональные специализированные опросы жертв преступлений. Так, в 2009–2015 гг. проведена серия опросов по заказу МВД России [8]². В 2022 и 2024 гг. прошли две волны опроса жертв киберпреступлений [11; 112], а в 2023 г. — жертв домашнего насилия [13].

¹ АНО «Левада-центр» внесена в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

² В 2013 г. опрос проводил Фонд общественного мнения: «Взаимоотношения полиции и граждан: исследование ФОМ по заказу МВД Криминальные угрозы, опасения россиян и их контакты с органами внутренних дел» [9]; в 2014–2015 гг. — Российский государственный социальный университет [8]. Развернутую критику опросов МВД России см. в [10].

Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге с 2018 г. проводит регулярный Всероссийский опрос жертв преступлений (англ. Russian Crime Victimization Survey, далее — RCVS). В отличие от других опросов, это первый регулярный виктимизационный опрос в России, репрезентативный на уровне страны. Благодаря сохранению единства методологии и открытости данных исследователи могут сопоставлять результаты волн разных лет для понимания динамики преступности [14]. В 2024 г. была проведена третья волна опроса RCVS.

В данной статье основное внимание уделяется методологическим аспектам работы с опросными данными, поэтому представленные результаты будут интересны не только криминологам, но и широкому кругу исследователей. В работе представлено общее видение проблемы полных ответов и подходы к коррекции их последствий. Описан опыт расчета постстратификационных весов для кросс-секционной выборки с использованием рэкинга. При расчете весов для лонгитюдной выборки мы использовали параданные³ опроса: информацию об интервьюерах и дате звонка, что позволило декомпонировать смещение выборки на две главные компоненты: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа.

Русскоязычная методологическая литература об организации лонгитюдных исследований немногочисленна, поэтому мы опирались на опыт исследователей из разных стран мира, отвечавших на похожие вопросы при организации виктимизационных опросов. Первый раздел статьи посвящен обзору проведенных виктимизационных опросов и техническому описанию результатов RCVS-2024, вписанному в академический контекст. Второй раздел разбирает внутреннюю валидность опросных

³ В тексте мы используем как взаимозаменяемые наименования: мета-/параданные.

данных в целом и RCVS в частности. В нём мы описываем наш подход к коррекции смещений в кросс-секционной и лонгитюдной частях выборки. Основные результаты опроса 2024 г. и анализ долгосрочных трендов виктимизации взрослого населения России за период 2018–2024 гг. представлены в отдельной сопутствующей публикации [15].

Виктимизационные опросы в России

Россия накопила богатый опыт виктимизационных исследований [10]. Первые опросы жертв преступлений в современной России проводились на городском и региональном уровнях. Наиболее системными были исследования виктимного опыта жителей Санкт-Петербурга — они отличались регулярностью и разработанной методологией [1; 16]. С 1999 по 2002 г. эти опросы осуществлялись Центром девиантологии Социологического института РАН. Методика опроса была приведена в соответствие с методикой национального опроса жертв преступлений в США (англ. National Crime Victimization Survey, NCVS [17]). В 2020 г. та же исследовательская команда провела опросы среди жителей Волгограда и Барановичей [1].

Крупнейшее международное исследование жертв преступлений (англ. International Crime Victims Survey, ICVS) проводилось под эгидой ООН с 1989 по 2010 г. и включало шесть волн. На территории России опросы в его рамках организовывались среди жителей Москвы в 1992, 1996 и 2000 гг. [18; 19]. Также жителей Москвы — в 1991 г. опрашивали в рамках исследовательского проекта «Crime and Crime Prevention in Moscow», реализованного в результате сотрудничества Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (ВНИИ МВД) и Межрегионального научно-исследовательского института ООН по вопросам преступности и правосудия (англ. United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute, UNICRI).

В исследовании участвовали как рядовые жители столицы, так и сотрудники правоохранительных органов. В итоговый анализ были включены результаты ICVS-1992 и массив данных официальной регистрации преступности [20]. В 2001 г. был проведён опрос жителей Омска, Смоленска и Волгограда по унифицированной с ICVS методологии [2]. В Волгоградской области с 1998 по 2007 гг. проходили регулярные опросы населения, включающие вопросы о виктимном опыте и обращении в правоохранительные органы [5].

Среди международных исследований, в которых участвует Россия, выделяется Европейское социальное исследование (англ. European Social Survey, ESS⁴): его российскую выборку — «*Российское социальное исследование*» (РСИ/RSS) — администрирует Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Это сравнительный межстрановой опрос, репрезентативный на уровне отдельных стран и охватывающий большинство государств Европейского союза и ряд соседних стран [22; 23]. Данные по России находятся в открытом доступе за период с 2006 по 2024 г. с двухлетним интервалом (девять волн⁵). Опрос проходит в форме личного интервью (англ. face-to-face, далее — f2f). В каждую волну входит единичные вопросы об опыте виктимизации от насильственных преступлений, страхе перед преступностью (англ. fear of crime) и доверии к правоохранительным органам. Насколько нам известно, несмотря на иную — общесоциальную — специализацию ESS/РСИ и ряд ограничений, это единственный проводимый в настоящее время регулярный межстрановой опрос с участием России, из волны в волну включаю-

⁴ Согласно сайту ESS, исследование включает в свой официальный ростер только 3–6-ю и 8-ю волны (2006, 2008, 2010, 2012 и 2016 гг. соответственно) [21].

⁵ Подробнее о «Российском социальном исследовании» и доступе к данным см. <https://www.russiansocialsurvey.ru> и <https://www.cessi.ru/rsi> соответственно (дата обращения: 4.09.2026).

щий блок вопросов, релевантных для исследователей преступности и виктимизации.

Ряд виктимизационных опросов был проведен учеными-юристами и криминологами. Среди них — опросы студентов московских вузов [4], жителей Удмуртии [3], Уральского федерального округа [6] и Нижегородской области [7]. Основная цель таких исследований — оценка латентной преступности [4]. Ограничением данных работ является скудность методологического описания: неочевидно, кого и как опрашивали и какую целевую совокупность в итоге репрезентируют собранные данные. Особо отметим репрезентативный всероссийский опрос взрослого населения страны, посвященный проблеме семейного насилия. Исследовательская команда из Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке Центра прикладной социологии СПбГУ провела две волны исследования — в 2019 и 2024 гг. Согласно полученным результатам, доля респондентов, сталкивавшихся с бытовым насилием за предшествующие 12 месяцев, выросла с 2,6% в 2019 г. до 3,7% в 2024 г. [24; 25].

Общим методологическим ограничением локальных опросов является невозможность прямой экстраполяции результатов исследования на всё население страны. Крупнейшие полстеры страны ВЦИОМ, ФОМ и «Левада-Центр» периодически включают в свои омнибусы блоки вопросов [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34], посвященные общей оценке состояния преступности и доверии правоохранительным органам. Преимуществами таких опросов являются их оперативность, вероятностная выборка и общедоступность данных, а недостатками — нерегулярность проведения, нестабильность и краткость анкеты. Неспециализированные опросы общественного мнения, включающие вопросы о виктимном опыте, как правило, охватывают незначительное количество наблюдений. Так, если в средней выборке омнибуса 1,5 тыс. человек, а каждый пятый опрошенный является жерт-

вой преступления, то в распоряжении исследователя окажутся ответы всего 300 респондентов.

В 2024 г. Росстат впервые включил виктимизационный блок вопросов в анкету Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ)⁶. Это масштабное всероссийское статистическое наблюдение, в рамках которого раз в два года с помощью личного интервью опрашивается 100 тыс. респондентов старше 15 лет. В волну 2024 г. вошла линейка вопросов о девяти типах преступлений, их количестве и числе случаев обращений в правоохранительные органы, также был добавлен вопрос о страхе перед преступностью. На сегодняшний день КОУЖ может стать единственным регулярным репрезентативным опросом жертв преступлений, проводимым посредством f2f⁷. Среди недостатков КОУЖ отметим устройство анкеты: респонденту сразу предлагают выбор из закрытой типологии преступлений, в которой отсутствуют киберпреступления. Эти ограничения должны значимо занижать общую оценку уровня виктимизации: согласно результатам КОУЖ-2024, она составила 3,7% для взрослого населения страны (с учетом весов)⁸.

В 2009–2010 гг. при проведении очередных волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) респондентам задавались вопросы о страхе перед преступностью и виктимном опыте⁹. На сегодняшний день РМЭЗ является самым авторитетным лонгитюдным исследо-

⁶ См. блок анкеты КОУЖ-2024 г. «К 24.1» [35].

⁷ Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения. В работе используются данные опросов 2020 и 2024 гг. [36].

⁸ Интересно, что оценка на данных RCVS уровня виктимизации для взрослого населения страны с учетом только тех случаев, где респонденты заявили о материальном или физическом ущербе, статистически не отличается от результатов КОУЖ. Подробнее о внешней валидации результатов RCVS см. в [37].

⁹ 18-я и 19-я волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «j229–332» [38].

ванием в России. Панель имеет преимущественно экономический характер и поэтому непрофильные вопросы редко входят в постоянное ядро анкеты. Тем не менее это редкая возможность для исследователя российской преступности работать с когортными данными. Однако участникам опроса задавался всего один скрининговый вопрос, в формулировку которого включен закрытый перечень типов преступлений (грабёж, нападение или «иное насилие»). Респондентов спрашивали не только о личном опыте, но и об опыте членов их семей, что не позволяет однозначно сопоставить преступление с социально-демографическими характеристиками отвечающего. В волну 2025 г. было добавлено несколько вопросов об опыте жертв телефонного и онлайн-мошенничества¹⁰.

В 2022 и 2024 гг. проведены две волны онлайн-опроса, посвященные кибервиктимизации [11; 12]. В опросе 2022 г. приняли участие 1500 респондентов, из которых 88,2% сообщили, что стали жертвами киберпреступлений. В опросе 2024 г. было опрошено 1000 человек и уровень виктимизации составил 62%. Оба опроса нацелены на репрезентацию вселенной интернет-пользователей России. В работе предложена детализированная авторская классификация форм кибервиктимизации. Из ограничений, в первую очередь, следует отметить невероятностную выборку и кооптацию участников опроса посредством онлайн-панели «Анкетолог» [40]. Добровольное оплачиваемое участие в опросе (opt-in) приводит к проблеме самоотбора, что создает методологический риск: он возникает как при изучении опыта жертв сетевых преступлений (угроза внутренней валидности), так и при экстраполяции результатов исследования (угроза внешней валидности). Российские opt-in-панели критикуют за непрозрачность работы и использование «профессиональных респон-

¹⁰ 34-я волна Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «ddj606—ddj606.2» [39].

дентов» — людей, которые целенаправленно преодолевают скрининг [41]. Также участники неслучайных онлайн-панелей демонстрируют систематически более либеральные политические взгляды, чем респонденты f2f интервью [42].

Общим методическим ограничением приведенных выше опросов является использование прямых одиночных вопросов о пережитом опыте, как правило, в терминах уголовной или административно-правовой квалификации события. Во-первых, это предполагает наличие у респондента специальных знаний, необходимых чтобы различить, например, кражу — ограбление — разбой в конкретных жизненных обстоятельствах. Во-вторых, усиливает «эффект интервьюера», если формат опроса предполагает его присутствие, который зачастую будет вынужден «помогать» с квалификацией происшествия. В-третьих, одни и те же события с ходом времени могут менять свою правовую оценку.

В 2024 г. во вторую волну мониторинга цифровой трансформации экономики и общества, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, были включены вопросы об опыте столкновения с киберагрессией и киберпреступлениями, а также регулярный блок вопросов об уровне цифровых навыков. В контексте данного мониторинга киберпреступность рассматривается как один из рисков цифровизации общества [43]. Опрос предоставляет исследователям уникальную возможность анализировать не только социально-демографические характеристики жертв киберпреступлений, но и сопоставлять виктимный опыт с уровнем их цифровой грамотности. Сбор данных осуществлялся методом личных интервью (f2f), выборка исследования репрезентативна для населения страны в возрасте 14 лет и старше. Согласно полученным результатам, с киберагрессией сталкивались 35,5% пользователей социальных сетей, а с киберпреступлениями — 31% пользователей интернета [44].

В 2021 г. проведена серия гармонизированных опросов в рамках исследования партнерского насилия (англ. intimate partner violence, IPV) [13]. Авторы использовали две волны омнибуса 2021 г. «Левада-Центра» (f2f, вероятностная выборка) и онлайн-опрос на базе панели Online Market Intelligence [45] (неслучайная выборка). В качестве основы анкеты выступил стандартизированный опросник ООН [46]. Анкета включает блок вопросов для самозаполнения респондентом (англ. self-administered) с интегрированным списочным экспериментом [англ. list experiment см., 47]. Таким образом, авторы получили множество методологических возможностей для кросс-валидации результатов исследования.

В 2025 г. блок вопросов, посвященных опыту виктимизации, был включен в 5-ю волну регулярного онлайн-опроса Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes (PROPA). Данные собирались посредством онлайн-анкетирования. Выборка исследования является неслучайной и представляет собой пример opt-in панели. Для рекрутирования участников использовалось незначительное нематериальное поощрение. Несмотря на то что PROPA присущи практически все типичные недостатки маркетинговых панелей, описанные выше, проект выгодно отличается наличие лонгитюдного компонента: в 5-й волне около 30% участников составили повторно опрошенные респонденты, что создает основу для анализа индивидуальной динамики. Согласно результатам опроса, 65% респондентов заявили, что становились жертвами преступлений в течение последних трех лет; при этом 74% из них указали, что пострадали от телефонных или онлайн-мошенничеств [48]. Другим важным преимуществом проекта является его открытость: данные всех волн размещены в свободном доступе¹¹.

Всероссийский опрос жертв преступлений RCVS проводится Институтом проблем правоприменения при Европейском

¹¹ Подробнее о проекте см. в [49].

университете в Санкт-Петербурге с 2018 г.¹² Выборка опроса разделена на две части: кросс-секционную (2018 г., 2021 г., 2024 г.) и лонгитюдную (2021–2024 гг.) [42]. Опрос проводился посредством телефонного обзвона САТИ¹³ на основе RDD-выборки (англ. random digit dialing, генерация случайных телефонных номеров; далее — RDD). Все волны опроса проходят по единой анкете. Респонденты, не прошедшие скрининг,¹⁴ — не-жертвы — отвечают только на часть анкеты, преимущественно из социально-демографических вопросов. Сбор интервью осуществляется до тех пор, пока не будет собрано 3 тыс. анкет жертв преступлений. Опросник начинается с выяснения способа совершения преступления и его контекста, в зависимости от ответов респондент попадает на «имущественный» или «насильственный» трек. После чего следует серия вопросов о преступнике и действиях жертвы (о логике анкеты подробнее см. в [10]). При составлении анкеты преимущество отдано простым дихотомическим вопросам, чтобы минимизировать разночтения и упростить последующую работу с данными. В 2018 г. было опрошено 16 818 респондентов, в 2021 — 14 400, уровень виктимизации взрослого населения России за последние 5 лет в 2018 г. составил 17,8%, а в 2021 г. — 20,8% [14; 52]. Методологический и методический инструментарий RCVS развивается с каждой последующей волной, но сохранение единства подхода и анкеты позволяет сравнивать полученные результаты между собой.

Для исследователей преступности может представлять интерес опыт опросов жертв преступлений на постсоветском про-

¹² Сайт проекта — [50], репозиторий — [51].

¹³ САТИ — Computer Assisted Telephone Interview — система компьютеризированного телефонного интервью.

¹⁴ Два скрининговых вопроса — «Вспомните, пожалуйста, было ли такое, что вас обокрали, вас побили, вам угрожали, вы стали жертвой насилия, мошенничества или других преступлений в России за последние 5 лет/12 месяцев?».

странстве. За последние десять лет было проведено несколько отдельных страновых опросов под эгидой ICVS¹⁵: 2015 г. — Кыргызстан, 2018 г. — Казахстан, 2020 г. — Грузия [56], 2021 — Узбекистан. Эти опросы проходили по стандартизированной анкете, что позволяет поместить результаты национальных волн в широкий кросс-страновой контекст. В 2020 г. был проведен общенациональный виктимизационный опрос в Азербайджане [57; 58].

Кросс-секция из лонгитюд или зачем нужны панельные опросы

Волна 2024 г. RCVS имеет лонгитюдную компоненту: мы опросили давших согласие на повторный контакт респондентов волны 2021 г. три года спустя. Мы получили сведения о повторной виктимизации (или ее отсутствии) для 3456 респондентов. Наблюдение за этими респондентами, не являющимися репрезентативной выборкой взрослого населения страны, ценно тем, что позволяет отделить общие тренды виктимизации в стране от индивидуальных факторов, например, ненаблюдаемой склонности к рискованному поведению.

Рассматривая одних и тех же людей, лонгитюдные опросы позволяют устанавливать причинно-следственные связи между фактом виктимизации и предыдущими или последующими изменениями в поведении, взглядах и предпочтениях респондентов. Понимая ценность этой информации, авторы ведущего виктимизационного опроса США (NCVS) с момента начала сбора данных в 1972 г. задумывали его как лонгитюдный опрос с ротирующейся панелью домохозяйств¹⁶, опрашиваемых каждые пол-

¹⁵ Отчеты ICVS на русском языке: Кыргызстан [53], Казахстан [54], Узбекистан [55].

¹⁶ Отметим, что NCVS является «ограниченной» лонгитюдной панелью: единицей наблюдения в ней выступает адрес домохозяйства, а не конкретный инди-

года [59], а виктимизационный опрос Англии и Уэльса (Crime Survey for England and Wales, CSEW), проводящийся с 1981 г., внедрил лонгитюдную компоненту во время большого обновления лишь после пандемии COVID-19 [60]. Этому обновлению предшествовал трехлетний (с 2003 по 2006 гг.) эксперимент с проведением отдельного лонгитюдного виктимизационного опроса в стране [61]. Интересен опыт Нидерландов, где с 2018 по 2023 гг. проводился виктимизационный лонгитюдный опрос с использованием инфраструктуры онлайн-панели (LISS panel, Victims in Modern Society [62; 63]), первично сформированной на основе общенациональной случайной выборки.

К сожалению, проведение лонгитюдных виктимизационных опросов является скорее исключением, чем правилом — насколько нам известно, нигде, кроме США и Великобритании, таких специализированных опросов системно не проводится. Редкие лонгитюдные сведения о виктимизации появляются благодаря включению в отдельные волны национальных опросов населения вопросов о виктимизации: так происходило в Австралии [64], Мексике [65], Ирландии, Нидерландах [66], постсоветских странах [67]. Однако криминологические блоки в анкетах национальных опросов появляются нерегулярно и сильно ограничены в детальности собираемой информации.

RCVS-2024. Выборка

Кросс-секция. Стратификация

Исследуемая совокупность — совершеннолетние жители России. В качестве основы выборки использовался полный спи-

вид. Выборка обновляется (ротировается) путем периодической замены адресов, вследствие чего каждый респондент может быть опрошен не более семи раз на протяжении трех лет.

сок телефонных номеров в DEF¹⁷ диапазонах, задействованных на территории России. Опрос проводился только по мобильным телефонам¹⁸. Для построения полного списка номеров использовался реестр российской системы и плана нумерации¹⁹. Выборка стратифицирована по границам субъектов РФ с учетом часовых поясов и прогнозируемого уровня ответов (Response Rate. Далее — RR). Всего было сформировано 5 страт: «Восток» (часовые пояса +6–9 МСК), «Сибирь» (+3–5), «Урал» (+1–2), «Центр» (–1–0) и «Столицы» (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область). Страта «Столицы» выделена из-за традиционно низкого уровня ответов в крупнейших городах. Размещение выборки телефонных номеров по стратам пропорционально доле совершеннолетнего населения образующих их регионов²⁰. Структура стратификации представлена в [37]. При звонке опрашивался человек, взявший трубку.

CATI. Показатели достижимости для RDD и когорты

С 1970-х начинается рост популярности телефонных опросов с RDD-выборками (Random digit dialing, генерация случай-

¹⁷ DEF — телефонный код, присвоенный по негеографическому признаку — часть мобильного номера абонента.

¹⁸ Исследования 2013–2016 гг. показывают, что в телефонных опросах в России лучше использовать двухосновную выборку мобильных и стационарных телефонных номеров [68]. В RCVS 2018 и 2021 гг. использовалась смешенная выборка. Однако к 2024 году практики пользования телефонами в различных возрастных группах заметно изменились и для репрезентации совершеннолетнего населения России достаточно использование только мобильных телефонов. Например, выборка омнибуса ВЦИОМ «Спутник» формируется только из мобильных номеров [69].

¹⁹ Реестр российской системы и плана нумерации (выгрузка по состоянию на 29.11.2024) [70].

²⁰ Росстат — Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года [71].

ных телефонных номеров). Тотальная телефонизация, с одной стороны, дешевизна и скорость, с другой, позволили телефонным опросам серьезно потеснить традиционные поквартирные обходы f2f. Россия не стала исключением. Так, если в 2014 г. ВЦИОМ собрал 258 935 анкет посредством f2f и 214 730 — CATI, то уже в 2024 г. соотношение изменилось радикально — 30 085 против 1 388 190 анкет соответственно²¹.

Опросы жертв преступлений из-за обилия сензитивных вопросов консервативны, но даже среди них за последнее десятилетие виден рост использования альтернатив классическому f2f. Свой вклад внесла и пандемия COVID-19 с беспрецедентными ограничениями физических контактов. Так, виктимизационные опросы 2020–2021 гг. в Англии и Уэльсе, Шотландии и Южной Африке проходили посредством CATI. Он же является основным методом сбора интервью в Австралии, Азербайджане и большинстве страновых волн ICVS (International Crime Victim Survey). В лонгитюдных исследованиях телефонный обзвон зачастую используется для последующих ротаций панели (follow-up), после того как респондент был успешно кооптирован в выборку. Всё более широкое распространение получают смешанные подходы, например, f2f/CATI (Северная Ирландия, США) и различные формы самозаполнения/CATI (Канада, Израиль, Швеция, Нидерланды)²².

Одновременно с ростом популярности телефонных опросов наблюдается неуклонное снижение уровня достижимости респондентов. Долгосрочное падение метрик происходит вне зависимости от страны проведения опроса, структуры выборки

²¹ Данные взяты из доклада Снежаны Евсеевой, руководителя департамента организации исследований ВЦИОМ, представленного на съезде ассоциации исследовательских компаний «Группа 7/89», Нижний Новгород, 2025 г.

²² В докладе AAPOR 2019 г. отмечена тенденция к очередному транзиту: от CATI к разным форматам самозаполнения анкеты (self-administered) или совмещению разных методов сбора данных (mixed mode). См. табл. 6.2 в [72].

и формы сбора данных [73]. Но поскольку телефонные опросы стали доминирующей формой сбора интервью, то на их результатах общие тенденции видны наиболее ясно. В 2017 году Американская ассоциация исследователей общественного мнения (AAPOR) выпустила доклад «The Future of U.S. General Population Telephone Survey Research» («Будущее телефонных опросов населения США»). Так, согласно AAPOR, общую ситуацию хорошо отражает динамика RR многолетнего опроса потребителей, проводимого Университетом Мичигана, в 1979 г. — 72%, 2003 г. — 48%, 2013 г. — 16%²³. Средний показатель RR в телефонных опросах Института Гэллага в период 1997–2017 гг. упал с 28% до 7%; Исследовательского центра Pew за аналогичный период — с 36% до 6% [75; 76]. В России наблюдается аналогичная ситуация²⁴. Причём падение уровня ответов обусловлено как снижением коэффициента контактов (Contact Rate, CON), так и снижением кооперации (Cooperation Rate, COOP). Это объясняется не только действиями респондентов, которые стали реже брать трубки при звонках с неизвестных телефонных номеров, или устанавливать специальные приложения, блокирующие спам-звонки, но и действиями операторов связи, активно блокирующих массовые вызовы.

Бум киберпреступности последних лет [15; 78] привел к существенным изменениям законодательства в сфере противодействия киберугрозам, в частности к принятию закона и подзаконных актов «об антифрод», регулирующих борьбу с телефонным и онлайн-мошенничеством. Данная трансформация регуляторной среды напрямую влияет на индустрию колл-центров, марке-

²³ См. [74, p. 13].

²⁴ О чем свидетельствуют дискуссии на профессиональных конференциях социологов-практиков см., например, доклады на XIII Грушинской социологической конференции, секция «Проблема неответов в турбореальности» [77]. По состоянию на 25 августа 2025 г. ожидаемый RR3 ежедневного опроса ВЦИОМ «Спутник» составляет 7% [69].

тинговых и социологических исследований. Снижение достижимости респондентов и уровня их кооперации является одним из следствий законодательной активности. В Приложении Табл. П1 систематизированы релевантные нормативно-правовые акты, оказывающие влияние на организацию и качество опросов; определены риски с позиций теории общей ошибки исследования (англ. Total Survey Error, TSE) и угроз внутренней и внешней валидности (подробнее данные аспекты рассматриваются далее в тексте).

К середине 2024 г. снижение RR достигло таких масштабов, что время на поиск согласного на участие в опросе респондента значительно превысило время проведения самого интервью. Для сохранения возможности проведения телефонных опросов в индустрии стали массово использоваться два инструмента, повышающих эффективность сбора данных: отсеивание из RDD-выборки заведомо несуществующих телефонных номеров и использование роботизированного рекрута для проведения опроса. В данном опросе отсеивание несуществующих номеров осуществлялось при помощи сервиса Saturn от компании СИИС [79]. Роботизированный рекрут использовался в начале коммуникации с респондентом при помощи аудиозаписи приветствия, информирующего респондента о проведении опроса и предлагающего принять в нём участие. Эти технологии позволяют увеличить результативность работы, но затрудняют корректный расчёт коэффициентов достижимости из-за большого числа единиц отбора, для которых нельзя однозначно определить финальный диспозиционный код (итоговый статус всех попыток дозвола до конкретного абонента).

Для расчёта уровня ответов мы использовали стандарт AAPOR для коэффициентов RR3 и COOP1 [80]. Расчёты метрик были скорректированы с учётом использования робота-рекрутера и фильтрации несуществующих номеров. Для RDD-выборки нижняя граница RR3 рассчитана при допущении, что все номера

выборки валидные, а верхняя граница — при условии ответа респондента на звонок. Коэффициент кооперации СООР1 также вычислен двумя способами: консервативная оценка учитывает все сбрасывания на первых секундах ответа абонента, а верхняя граница рассчитана без учета «отказов» на стадии рекрутера. Метрики достижимости для лонгитюдной части выборки рассчитаны стандартным образом. Путь формирования выборки с выбытием потенциальных участников опроса и расчетом метрик достижимости респондентов представлен на Рис. 1.

Анализ мощности и предельная ошибка выборки

Как известно, в конце 2010-х гг. в России самыми часто упоминаемыми респондентами преступлениями стали онлайн- и телефонные преступления [14]. Мы предполагаем, что жертвы киберпреступлений склонны чаще давать ложноположительные (ошибка первого рода, α) или ложноотрицательные (ошибка второго рода, β) ответы об опыте виктимизации. Иными словами, из-за изменения структуры преступности больше опрошенных назвало бы себя жертвами киберпреступлений, хотя в действительности они были жертвами покушений на них, не понеся материального ущерба, $\alpha > 0$. С другой стороны, больше опрошенных отказались бы сообщать о своем действительном опыте виктимизации, не считая его достойным упоминания, $\beta > 0$. В таких условиях традиционные методы расчета ошибки выборки в задаче оценки доли виктимизированных в популяции неприменимы, поскольку предполагают опросный инструмент без ошибок первого или второго рода. Мы использовали подход [81]. Предполагая ошибку первого рода $\alpha = 0,5$ (что примерно соответствует доле киберпреступлений в волнах 2021–2024 гг.), ошибку второго рода $\beta = 0,05$, превалентность виктимизации в 23%. Таким образом, предельная случайная ошибка при заданных параметрах для кросс-секционной части выборки составила 1,7%, лонгитюдной — 3,1%, объединённой выборки — 1,5%.

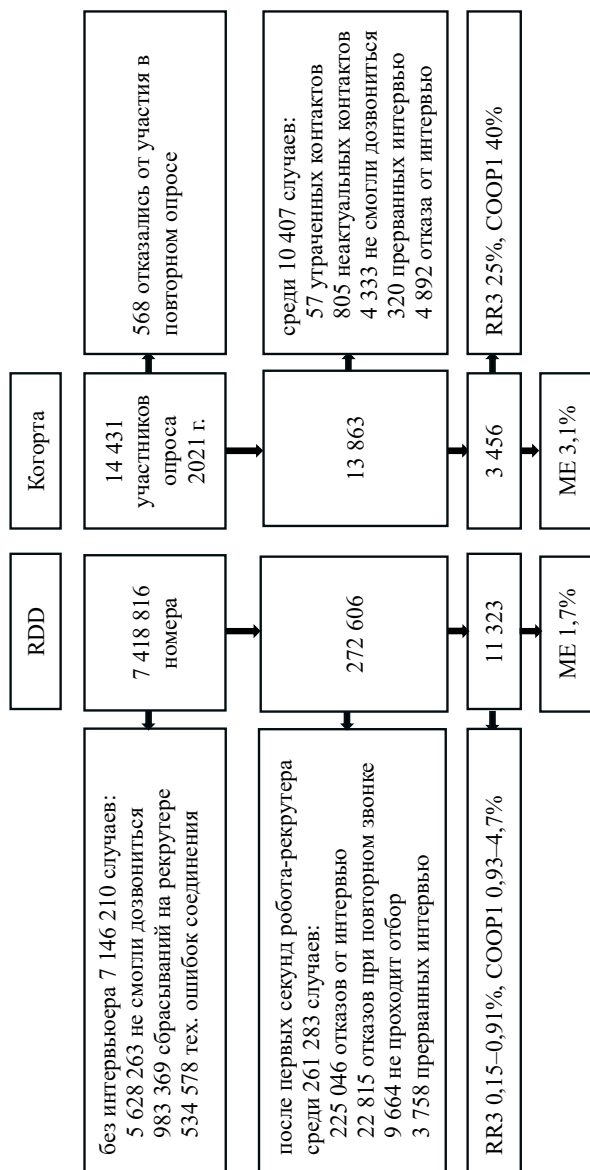

Рис. 1. Диаграмма. Формирование кросс-секционной RDD-выборки 2024 г. и выборки когорты 2021–2024 гг.

Контроль качества выборки. Пилот

Для снижения ошибки измерения проводилась процедура пилотирования инструментария по специальной методике, адаптированной для телефонных опросов²⁵. Было проведено, прослушано и закодировано 30 интервью, из них 9 с жертвами преступлений. В результате анализа кодировки интервью и замечаний интервьюеров были выявлены места в анкете, вызывающие наибольшее число прерываний, ошибки в логических переходах между вопросами. По итогу пилотного опроса в анкету были внесены соответствующие изменения.

Контроль качества работы интервьюеров

Для проверки качества собранных интервью было прослушано 10% (RDD: 1143, Когорта: 345) случайно отобранных полных аудиозаписей. Ошибки интервьюеров кодировались в специальных бланках. В результате два интервью было отбраковано.

Карта RCVS

В Табл. 1 собраны ссылки на репозитории данных и производящий код. Каждый репозиторий включает оригинальную анкету, с которой работали интервьюеры, и кодбук (рус./англ.). Сайт проекта: rcvs.enforce.spb.ru/rcvs.

²⁵ Методика представлена сотрудниками исследовательского центра «Контекст» Лосенкова Н.А. и Галашова Н.Б. в докладе на VII Грушинской социологической конференции. «Исследовательские компетенции интервьюера: возможности и пределы» [82].

Таблица 1

ИНФРАСТРУКТУРА ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА ЖЕРТВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Год	Данные	Описание	Интеграция
2018	Кнорре, Титаев [83]	Кнорре, Титаев [52]	Производящий код: https://github.com/irlcode/RCVS . Репликационный пакет объединения 3-х волн кросс-секции и 2-х волн лонгитюда, а также построения трендов виктимизации взрослого населения России. Репозиторий содержит код для подготовки данных из внешних источников и расчета весов. Про логику анкеты см. [10]. Про концептуализацию виктимизации и методологические традиции опросов жертв преступлений см. [84] ²⁶ .
2021	Кнорре и др. [86]	Серебренников, Титаев [14]	
2024	Кучаков и др. [87]	Настоящая публикация и «парная» Серебренников и др. [15]	
2018– 2024	Кучаков и др. [88]	Кучаков и др. [37]	

Валидность

Мы начнем с обсуждения смещений в результатах опроса, рассмотрим статистическую природу неответов, которая определяет характер смещений выборки и их последствия, затем опишем аналитические альтернативы в условиях наличия диспропорции в выборке. Теория общей ошибки (англ. total survey error, TSE) раскладывает смещение выборки на две ветви: ошибку измерения и ошибку репрезентации (Groves и Lyberg 2010). Ошибка измерения касается в первую очередь процедуры операционали-

²⁶ Полную версию читай в [85].

зации, коммуникации интервьюера с респондентом, интерпретации ответов респондента. Этому аспекту была посвящена значительная часть описания методологии первой волны RCVS [10]. История концептуализации виктимизации в опросах и место RCVS в рамках соответствующей методологической традиции подробно освещены в отдельной публикации [84]. В настоящей работе мы сосредоточимся на одном из основных элементов ошибки репрезентации — неответах и их последствиях (англ. nonresponse bias).

Существует множество способов демонстрации смещения выборки [89]. Одним из таких способов является сравнение выборочных моментов основных социально-демографических характеристик с данными авторитетного источника. В качестве базы сравнения мы используем результаты КОУЖ. Наш выбор обусловлен удобством сопряжения первичных данных опроса и, как будет показано ниже, отсутствием принципиальной разницы между всеми источниками Росстата. В Табл. 3 представлены средние значения для основных переменных двух опросов: первая колонка «Без взвешивания. RDD-2024» и последняя колонка «С взвешиванием. КОУЖ-2024».

Несмотря на случайный отбор респондентов, ожидаемо присутствуют отклонения от целевых значений исследуемой совокупности. В выборке перепредставлены следующие социально-демографические группы: мужчины, состоящие в браке, с высшим образованием, среднего возраста. И недопредставлены: безработные, проживающие в сельской местности, пенсионеры, молодёжь и пожилые люди, лица со средним и неполным общим образованием. Участники виктимизационного опроса также в среднем заявляют более высокий доход.

Диспропорция выборки возникает из-за систематических проблем при сборе данных. Системность означает, что участники опроса в среднем отличаются от людей, которые не участвовали в опросе. Эти различия могут быть вызваны множеством причин,

которые удобно объединить в две большие группы-фазы: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от участия в опросе (частичный/полный, англ. item/unit nonresponse) [90]. В результате исследователям приходится работать с данными, которые обычно представлены в виде таблицы, где часть строк отсутствует, а имеющиеся наблюдения содержат неполную информацию. В настоящем разделе в центре внимания проблема отсутствующих «строк» (англ. unit nonresponse).

Как показывает практика, в той или иной степени эта проблема характерна для любого опроса и напрямую слабо коррелирует с размером случайной выборки и показателями достижимости респондентов [89; 91]. Низкие показатели эффективности сбора данных сигнализируют о возможных проблемах в данных, но не определяют их. Общий взгляд на проблему отсутствующих значений впервые предложил Дональд Рубин [92; 93]. В основе его общепринятой классификации лежит различие в статистической природе механизмов, определяющих паттерны пропусков. Среди них: (1) полностью случайные пропуски (*missing completely at random, MCAR*), когда характер ответов не зависит от данных. (2) Случайные пропуски (*missing at random, MAR*) — ответы не зависят от отсутствующих данных и могут быть объяснены наблюдаемыми переменными. (3) Неслучайные пропуски (*missing not at random, MNAR; non-ignorable missing*) — пропуски зависят от отсутствующих данных, что осложняет эмпирическую проверку.

В прикладном аспекте различие между тремя процессами заключается в следующем. Пропуски первого типа при анализе могут быть проигнорированы малой ценой. Пропуски второго типа после коррекции на основе имеющихся данных становятся эквивалентны первому типу. В случае с пропусками третьего типа причина отказов от ответа связана с самими отсутствующими значениями. Такая ситуация возможна, например, при изучении состояния здоровья населения, когда часть ответов может быть

вызвана плохим самочувствием потенциальных респондентов. При исследовании особенностей потребления люди с низким доходом могут чаще отказываться отвечать на вопросы о тра-тах. Применительно к современным виктимизационным опро-сам неочевидно, как рост числа телефонных и онлайн-мошен-ничеств влияет на вероятность участия разных групп населения в опросах, проводимых посредством телефонного обзвона и онлайн-анкетирования.

Какова цена игнорирования неответов? Каждый тип пропу-сков имеет свои издержки, кумулятивно нарастающие от первого к третьему типу. Подход к анализу, при котором исследуются только полные наблюдения (англ. complete-case и available-case analysis), не приводит к смещению выборочных оценок при условии MCAR, но за счет уменьшения выборки влечет сниже-ние их эффективности и статистической мощности. При про-пусках типа MAR оценки будут смещены. При игнорировании неигнорируемых отказов от ответов — MNAR — под вопросом окажется внутренняя валидность исследования.

Одним из внешних источников угроз для качества и полноты опросных данных является ужесточение регуляторной борьбы с киберпреступностью. В Табл. П1. выделены несколько рисков: увеличение стоимости сбора данных, рост ошибки покрытия (англ. coverage error) и ошибки выборки (англ. sampling error), падение уровня достижимости участников опроса и их коопе-рации, а также рост вероятности неигнорируемых неответов (MNAR).

Рассмотрим несколько подходов к коррекции диспропорции выборки после сбора данных (ex-post) с учетом механизма неот-ветов

Во-первых, исследователь может работать с данными в том виде, в котором они были собраны. В случае с RCVS это может означать одновременное игнорирование трех проблем: 1) систе-матических отказов от участия в опросе, 2) иссякания панели,

3) неполных ответов. Тем не менее, это самый частый выбор при работе с результатами любого опроса. Выборочные оценки в таком случае будут несмещенными только при условии MCAR. Это малореалистичный сценарий. Но в зависимости от исследовательской задачи, доступности и качества внешних/метаданных, необходимых для коррекции, а также цены альтернативных искажений — это может быть не худшим решением [94].

Во-вторых, взвешивание — расчет для наблюдений весовых коэффициентов, равных обратной вероятности отбора [95; 96; 97]. В качестве «вероятности отбора» может выступать знание о структуре исследуемой совокупности. В таком случае задача сводится к приведению выборочных частот к ожидаемым. При случайном отборе обратное взвешивание вероятностей (Inverse Probability Weighting, IPW) обеспечивает несмещенность выборочных оценок [98]. Взвешивание редко используется для коррекции неответов на отдельные вопросы. Этот подход требует надежных данных об исследуемой совокупности и эффективен при пропусках типа MAR. Если отказ от ответа зависит только от наблюдаемых характеристик, даже при исключении из анализа неполных наблюдений смещение оценки будет уменьшено [93; 99]. Расчет весов после проведения опроса принято называть пост-стратификацией или калибровкой. Как показывает мета-анализ результатов регулярных национальных опросов с RDD-выборками за период с 1996 по 2015 гг., классическая пост-стратификация успешно уменьшает смещение [100]. Применение весов, как правило, приводит к росту дисперсии в выборке в рамках разрешения дилеммы «дисперсия-смещение»²⁷.

²⁷ Это не всегда так. Как теоретически [101], так и практически [102] показано, что если для расчета весов используются данные, предсказывающие вероятность участия в опросе и одновременно связанные с переменной исследовательского интереса, то уменьшаются и смещение, и дисперсия оценок. Часто для этой роли подходят метаданные опроса.

В-третьих, множественная импутация (англ. multiple imputation, MI) данных [92; 99] является современным стандартом работы с неответами на отдельные вопросы. Однако при работе с отказами от интервью этот метод используется гораздо реже [103]²⁸. Основная идея множественной импутации — восстановление отсутствующих значений на основе анализа паттерна пропусков и внутренних зависимостей в имеющихся данных. Меньшая востребованность метода для восстановления отказов от интервью объясняется тем, что чем меньше информации о респонденте, тем менее эффективна коррекция на её основе. Обычно используются данные только самого опроса, но возможна и интеграция однородных выборок в качестве источника внешней вариации. Регулярной практикой является совмещение в разных спецификациях множественной импутации (MI) и взвешивания (IPW) [106; 107; 108]. Данный подход требует соблюдения условия MAR.

В-четвертых, можно учесть смещения выборки при выборе спецификации модели на стадии анализа, например, используя модели выбора [109; 110]. Модель Хекмана проще всего представить в виде системы двух уравнений, где первое уравнение отвечает за отбор наблюдений, тем самым балансируя выборку, а второе — за оценку взаимосвязи между переменными²⁹. В контексте обсуждения взвешивания (IPW) можно отметить сходство моделирования в стиле Хекмана с семейством моделей оценки эффекта с учетом склонности (англ. propensity score [111; 112; 113]) и методом инструментальных переменных.

²⁸ См. программную реализацию для R [104] и SPSS [105].

²⁹ Применение этих моделей требует соблюдения ряда условий. Уравнение выбора корректирует смещения, но результат моделирования будет валидным только при независимости (экзогенности) переменных отбора и переменных уравнения результата. На практике это сильное требование.

Обратная величина propensity score — это и есть IPW³⁰. Пропоненты байесовского направления в статистике выступают за использование многомерного моделирования как альтернативы взвешиванию при анализе опросных данных [115]. Развернутый обзор полупараметрических и непараметрических альтернатив можно найти в [99, гл. 15; 116]. Данный подход востребован при работе с неслучайными или неигнорируемыми пропусками (missing not at random, MNAR)³¹.

Первая опция — работать с данными в том виде, в котором они были собраны — остается всегда в распоряжении исследователя. Вторую опцию мы рассмотрим подробнее далее в тексте. Третья опция — множественная импутация — не является типичным решением для восстановления полных отказов от интервью. Четвертая опция — моделирование — требует концентрации на конкретной переменной исследовательского интереса. Из всех альтернатив для коррекции данных RCVS было выбрано взвешивание. Этот подход предоставляет наиболее универсальное и нейтральное решение, как в плане потенциального круга приложений, так и широты охвата исследовательской аудитории.

Пост-стратификация, калибровка, рэжинг

Выбрав взвешивание (IPW) как методическую основу для опроса, мы должны определиться с процедурой расчета весовых коэффициентов.

³⁰ Более подробно о связи и генезисе трех аналитических подходов к решению одной и той же проблемы можно найти в [114, гл. 4].

³¹ Одним из проявлений неслучайных пропусков является проблема самоотбора — центральная ось квази-экспериментальных методов современной эконометрики.

Пост-стратификация

Как провести взвешивание и в чем отличия между пост-стратификацией и калибровкой? Часто эти два термина используются как синонимы. Нам представляется осмысленным провести разграничение этих двух техник вслед за [117]. Это поможет яснее описать реализованный подход в RCVS. Обе процедуры требуют выбора переменных для коррекции, а также знания о структуре исследуемой совокупности. Классическая процедура вычисления весов представлена в уравнении (1), где $w_{i,k}$ — это индивидуальный вес респондента (i), принадлежащего к определенной социальной группе (k), P — доля таких респондентов в генеральной совокупности (целевое значение), p — выборочное значение.

$$w_{i,k} = \frac{P_{i,k}}{p_{i,k}} \#(1)$$

Величины $P_{i,k}$ и $p_{i,k}$ можно выбрать разными способами. Разберем на примере. Как следует из Табл. 3, в нашей выборке перепредставлены мужчины и люди среднего возраста. Для устранения смещения мы можем взять пол и возраст (возрастную группу) в качестве двух независимых измерений или одного совместного половозрастного распределения. В первом случае нам потребуется последовательно рассчитать веса для каждой переменной в отдельности, учитывая на каждом новом шаге результаты предыдущего. Итоговый вес будет равен произведению всех $w_{i,k}$. В случае с половозрастным распределением мы используем уравнение (1) единожды.

Этот алгоритм используется для расчета весов в таких значимых опросах населения России, как КОУЖ (Росстат), РМЭЗ (НИУ ВШЭ), Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ ЦБ РФ)³².

³² Пост-стратификационные веса кросс-секционной части РМЭЗ и ВОДПФ включают совместное распределение типа населенного пункта проживания

Алгоритм пост-стратификации имеет несколько важных ограничений. Во-первых, результат зависит от порядка взвешивания. Итоговый вес для пола и возраста отличается от произведения весов для возраста и пола. Во-вторых, вычисление весов осуществляется последовательно, таким образом, каждая переменная участвует только единожды и охватывает всю выборочную совокупность (взаимоисключаемость). В-третьих, использование совместных распределений имеет мультипликативную размерность $P_{i,k}$: что проще всего представить, как добавление очередного «входа» в таблице сопряженности: пересечение пола и возраста в нашей выборке даст 10 ячеек, если добавить измерение образования — 30, и т. д. Это требует детализированных авторитетных данных, которые пригодны в качестве целевых значений.

Из мультипликативного характера процесса следует четвертое ограничение — высокая размерность совместного распределения порождает проблему сензитивности $p_{i,k}$. Каждая ячейка такой таблицы, построенной на основе выборочных данных, представляет определенную социальную группу, например мужчины среднего возраста с высшим образованием. Если таких наблюдений слишком мало, то в силу случайной вариации или ошибок вероятны нехарактерные ответы и экстремальные значения, которые будут усилены взвешиванием³³.

респондента, пола и возраста. Подробнее см. [118] и [119]. На русском языке развернутое описание процедуры можно найти в [97].

³³ В прикладном аспекте это означает, что в каждой ячейке многомерной таблицы сопряженности, построенной на основе выборочных данных, должно быть не менее k наблюдений. На практике к решению этой проблемы подходят с двух сторон. Во-первых, при подготовке выборочных распределений может быть установлено правило: если наблюдений в подвыборке меньше определенного порога, то происходит или снижение размерности (переход от половозрастного распределения к независимым распределениям пола и возраста), или схлопывание «близких» ячеек-групп. Во-вторых, можно корректировать не частоты в подвыборках, а ограничивать максимальные значения вычисленных на их основе весов.

Калибровка

Можно ли преодолеть ограничения пост-стратификации? По крайней мере первые два ограничения — инвариантность и взаимноисключаемость — могут быть ослаблены при использовании алгоритма рэкинга (raking).

Это итеративный алгоритм, обобщающий классическую процедуру взвешивания на многомерный случай [120; 121]. В примере с независимыми распределениями «пола» и «возраста» алгоритм будет циклически вычислять веса по описанной выше процедуре до сходимости. То есть, до момента, когда в предельных выборочных частотах с учетом весов перестают наблюдаться значимые отличия от целевых показателей. В результате мы получаем, которые являются продуктом множественной итерации всех измерений, требующих коррекции. В этом смысле такой вес является компромиссом³⁴ коррекции в многомерном признаковом пространстве. Из самой природы итеративной «подгонки» весовых коэффициентов следует и видовое название процедуры — калибровка.

Заметим, что рэкинг, как и пост-стратификация, ограничен необходимостью наличия детализированных авторитетных данных об исследуемой совокупности и сензитивностью в малых подвыборках.

В работе мы использовали открытую библиотеку *autumn* для языковой среды R³⁵. Альтернативные решения для R с исчерпы-

³⁴ В некоторых ситуациях компромиссное решение может быть недостатком. Пост-стратификацию можно охарактеризовать как *brute force approach* — в независимости от последствий исходные данные в выбранном частном распределении будут точно соответствовать последнему целевому распределению, что не всегда верно для рэкинга.

³⁵ *autumn* [122]; *survey: Analysis of Complex Survey Samples* [123]; *PracTools: Designing and Weighting Survey Samples* [124].

вающим теоретическим и практическим описанием создания дизайна выборки можно найти в [125] и [96].

Определив процедуру расчета весов, перейдем к описанию данных о взрослом населении России, которые являются целевыми значениями для RCVS.

Внешние данные для калибровки

В качестве авторитетного источника сведений о социально-демографических характеристиках населения России используются данные Росстата. Информация о половозрастной структуре населения в региональном разрезе взята из одноименных сборников³⁶, о структуре населения по образованию — из переписи 2020 г. (далее — ВПН)³⁷. При расчете пропорций исключались люди младше 18 лет. Выбранные характеристики агрегировались на уровне федеральных округов. Москва и Санкт-Петербург выделены в отдельные субъекты.

Для аппроксимации численности населения ряда регионов, для которых нет официальной информации, использованы данные Центральной избирательной комиссии о численности избирателей на момент проведения президентских выборов в марте 2024 г.³⁸ В качестве пропорций половозрастной и образовательной структуры населения использованы усреднённые значения по всем федеральным округам без учета Москвы и Санкт-Петербурга³⁹.

³⁶ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года [126].

³⁷ Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 3. Образование» [127].

³⁸ Вестник центральной избирательной комиссии. Число избирателей, включенных в списки избирателей на момент окончания голосования [128].

³⁹ Исходные частоты и целевые пропорции представлены в приложении к работе [37] и размещены в публичном репозитории проекта [129].

Ограничения данных Росстата

В настоящей работе используется несколько видов данных Росстата. Смещения выборки демонстрируются на выборочных моментах КОУЖ. В качестве целевых распределений для калибровки весов используются сведения из статистических сборников и итогов всероссийской переписи населения. Обратим внимание на возможный методологический риск. Все три источника данных взаимосвязаны. Сведения из ежегодных сборников о численности населения России в период между переписями складываются из двух компонентов. Первый компонент — это результаты последней всероссийской переписи. Второй — ежегодная сумма естественного и миграционного приростов⁴⁰. В свою очередь, дизайн выборки КОУЖ и веса для её пост-стратификации, рассчитываются на основе итогов переписи.

Из сказанного следует два вывода. Во-первых, нет существенной разницы в выборе источника данных в качестве бенчмарка в рамках экосистемы Росстата. Во-вторых, от качества результатов переписи зависит надежность данных других источников, даже опросных. Среди основных претензий к переписи 2020 г. исследователи [131; 132] указывают на проведение переписи в разгар пандемии COVID-19, значительную часть населения, не принявшую личного участия в опросе и широкое использование административных данных. По сравнению с ВПН-2010 наблюдается кратный рост доли людей, не указавших уровень образования (16,9%⁴¹), брачный статус (15,4%) [131], национальную принадлежность (11,6%) и страну рождения (16,1%) [132]. Среди аномальных изменений

⁴⁰ Приказ Росстата от 03.06.2010 N 209 «Об утверждении Методологических указаний по оценке общей численности населения» [130].

⁴¹ Здесь и далее в перечислении социально-демографических характеристик в круглых скобках указан процент от всего населения России по результатам ВПН-2020 г.

отмечают увеличение доли одиночных домохозяйств с 25,7% до 41,8% за десятилетие [133].

Опыт калибровки RCVS. Отбор переменных.

Результат для RDD-выборки

При расчете постстратификационных весов у нас было несколько степеней свободы. Первая состояла в том, какие измерения следует отобрать для калибровки. Вторая — какой уровень детализации совместных распределений следует предпочесть. На старте было выбрано несколько основных переменных, распределения которых отличаются от значений исследуемой совокупности. Мы остановились на возрасте, поле и высшем образовании (см. Табл. 3). Как представляется авторам, значимость этих характеристик наиболее универсальна. Также для коррекции была добавлена региональная структура населения⁴².

Далее опытным путем был выявлен предел глубины совместных распределений в нашей выборке. Так, если установить порог в 30 наблюдений для каждой подвыборки, то даже при сопряжении региона проживания и пола респондента, правилу будет соответствовать только 54 субъекта из 89. Поэтому все социально-демографические характеристики населения были агрегированы на уровне федеральных округов, где Москва и Санкт-Петербург представлены отдельными сущностями. Из тех же соображений были объединены две наиболее молодых возрастных категории «18–24» и «25–34». При расчете весов был установлен предел для коэффициента равный 5 — при его превышении наблюдению присваивалось пороговое значение.

⁴² Результаты опроса 2024 г. не требуют региональной коррекции. В волне 2024 г. в отличие от предыдущих волн была сделана стратификация на уровне укрупнённых федеральных округов, это позволило получить сбалансированные результаты в региональном разрезе. Мы добавили данное измерение для консистентности подхода к калибровке всех 3-х волн RCVS.

В Табл. 2 в первой колонке указан набор измерений для коррекции смещений: через дефис указаны совместные распределения, независимые — через «&». Колонка $deff_{kish}$ содержит эффект дизайна выборки по Кишу⁴³. Показатель $deff$ сообщает об общем состоянии структуры выборки после применения весов отдельных переменных. Напомним, что взвешивание, как правило, приводит к росту дисперсии в выборке, $deff$ позволяет контролировать этот процесс.

В колонках «Выборка» указаны средние выборочные оценки, «С весом» — оценки после взвешивания, «SMD» — стандартизированная разница средних (Standardized mean differences, SMD) до/после взвешивания [134]⁴⁴. Указанные три колонки призваны продемонстрировать масштаб коррекции.

Колонка КОУЖ добавлена для ориентации и напрямую не является целевым значением. Блок «Жертва, 5 лет» добавлен в качестве группы контроля, по которой отслеживалось влияние взвешивания на основную переменную опроса.

Опираясь на метрики Табл. 2, мы отобрали следующую конфигурацию переменных для итоговой калибровки: Регион — Федеральный округ-Возраст-Пол — Федеральный округ-Высшее образование.

В Табл. 3 представлены основные социально-демографические характеристики после взвешивания. Комментируя Табл. 3, мы отмечали, что в выборке перепредставлены респонденты: мужчины, состоящие в браке, с высшим образованием,

⁴³ Метрика эффективности дизайна выборки является отношением дисперсии исследовательской выборки к простой случайной. При $deff_{kish} = 1$ выборочный дизайн так же эффективен как при простой случайной выборке.

⁴⁴ SMD используется для оценки величины эффекта. Более подробно о связи SMD с другими оценщиками размера эффекта — d Коэна, Δ Гласса и g Хеджа — см. [134]. Интерпретируется как эвристика: значение $SMD = 0,1$ приблизительно соответствует 0,05 корреляции Мэтьюса (MCC) [135] и часто выступает как порог значимости эффекта.

Таблица 2

МЕТРИКИ ОТБОРА ПЕРЕМЕННЫХ ДЛЯ РАСЧЕТА ВЕСОВ

		Мужчина				Высшее образование				Жертва, 5 лет		
		КОУЖ	Выб.	Вес	SMD	КОУЖ	Выб.	Вес	SMD	Выб.	Вес	SMD
Набор переменных	deff											
ФО-Возраст-Пол	1,167	0,448	0,521	0,456	0,13	0,353	0,546	0,529	0,035	0,237	0,232	0,013
ФО-Возраст-Пол & ФО-Высшее обр.	1,384	0,448	0,521	0,455	0,132	0,353	0,546	0,301	0,512	0,237	0,228	0,021
ФО-Высшее обр.	1,274	0,448	0,521	0,531	-0,02	0,353	0,546	0,301	0,512	0,237	0,228	0,021
Регион	1,086	0,448	0,521	0,522	-0,003	0,353	0,546	0,544	0,005	0,237	0,234	0,008
Регион & ФО-Возраст-Пол	1,237	0,448	0,521	0,456	0,13	0,353	0,546	0,529	0,035	0,237	0,23	0,016
Регион & ФО-Возраст-Пол & ФО-Высшее обр.	1,456	0,448	0,521	0,455	0,133	0,353	0,546	0,301	0,512	0,237	0,227	0,025

Прим.: ФО — федеральный округ, где Москва и Санкт-Петербург представлены отдельными субъектами. Данные КОУЖ приведены для наглядности и не являлись целевыми значениями при калибровке.

среднего возраста, с более высоким доходом. И недопредставлены респонденты: безработные, проживающие в сельской местности, пенсионеры, молодёжь и пожилые люди, лица со средним и неполным общим образованием.

Теперь мы можем сравнить полученные результаты в формате: «было» (колонка «Исходные данные») — «стало» («RDD-2024. Все») — «ориентир» («КОУЖ 2024»). Улучшилась ситуация с представленностью респондентов мужчин, состоящих в браке, одиночек, жителей сельской местности, безработных и пенсионеров. Удачно скорректирован среднемесячный доход. Возрастная структура выборки стала более сбалансированной. Что касается структуры образования, то ситуация изменилась неоднородно: улучшилась пропорция людей с высшим и средним образованием, но ухудшилась — со средним специальным образованием. В целом мы оцениваем данный результат позитивно. Рассчитанные веса балансируют большинство наблюдаемых смещений⁴⁵.

Лонгитюдное исследование

Каждая панель начинается с кросс-секционной волны, при этом возникают дополнительные сложности. Проиллюстрируем это на примере. Наша целевая совокупность — все совершеннолетние жители страны. В 2021 г. прошел первый опрос будущей когорты. Такая выборка в идеале должна без искажений отражать многообразие исследуемой вселенной населения в миниатюре. Однако на практике это случается редко и необходима коррекция. Теперь добавим к сбалансированной выборке временное измерение: через три года мы должны опросить тех же респондентов повторно. Опыт RCVS следующий: в опросе 2021 г. 96% респондентов согласилось принять участие в сле-

⁴⁵ Переменная в данных — *weight*.

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗВЕШИВАНИЯ RDD-ВЫБОРКИ

	Без взвешивания		С взвешиванием					
			RDD-2024					
	Все		Все		Жертвы		Не-жертвы	
	Среднее		Среднее	Среднее	п	Среднее	п	Среднее
Мужчина	0,519 (0,51-0,528)		0,453 (0,442-0,464)	0,449 (0,426-0,472)	2665	0,455 (0,442-0,468)	8589	0,448 (0,444-0,452)
Возраст	47,092 (46,8-47,384)		48,245 (47,868-48,622)	45,169 (44,42-45,918)	2665	49,142 (48,709-49,575)	8589	48,692 (48,56-48,824)
Женат/замужем	0,616 (0,607-0,625)		0,575 (0,564-0,586)	0,549 (0,526-0,572)	2665	0,583 (0,57-0,596)	8589	0,542 (0,538-0,546)
Живет один/одна	0,233 (0,225-0,241)		0,248 (0,238-0,258)	0,257 (0,237-0,277)	2665	0,246 (0,235-0,257)	8589	0,271 (0,267-0,275)
Живет в сельской местности	0,189 (0,182-0,196)		0,222 (0,213-0,231)	0,176 (0,158-0,194)	2537	0,236 (0,225-0,247)	8146	0,245 (0,242-0,248)

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2024
	RDD-2024							
	Все	Среднее	Все	Жертвы		Не-жертвы		
				Среднее	n	Среднее	n	
Безработный	0,318 (0,309-0,327)	0,391 (0,38-0,402)	0,34 (0,318-0,362)	2647	0,406 (0,394-0,418)	8550	0,365 (0,361-0,369)	
Получает пенсию	0,222 (0,214-0,23)	0,276 (0,266-0,286)	0,214 (0,195-0,233)	2665	0,295 (0,283-0,307)	8589	0,319 (0,315-0,323)	
Размер домохозяйства, чел.	2,693 (2,665-2,721)	2,664 (2,63-2,698)	2,573 (2,506-2,64)	2665	2,69 (2,65-2,73)	8589	2,544 (2,533-2,555)	
Совокупный месячный доход домохоз.	102,223 (100,374-104,072)	87,905 (85,856-89,954)	91,126 (87,021-95,231)	1913	86,856 (84,492-89,22)	5576	75,263 (74,892-75,634)	
Ежем. доход на члена домохоз.	46,431 (45,408-47,454)	40,582 (39,46-41,704)	44,123 (41,651-46,595)	1913	39,43 (38,184-40,676)	5576	34,033 (33,856-34,21)	

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания		С взвешиванием						КОУЖ 2024	
	Все		Все		Жертвы		Не-жертвы			
	Среднее		Среднее		Среднее		Среднее		n	
Возрастная группа										
18-34	0,222 (0,214-0,23)		0,241 (0,232-0,25)		0,289 (0,268-0,31)		0,227 (0,216-0,238)		2665 8589	
35-49	0,372 (0,363-0,381)		0,301 (0,291-0,311)		0,333 (0,312-0,354)		0,291 (0,279-0,303)		2665 8589	
50-64	0,238 (0,23-0,246)		0,244 (0,234-0,254)		0,219 (0,2-0,238)		0,251 (0,24-0,262)		2665 8589	
65+	0,168 (0,161-0,175)		0,214 (0,205-0,223)		0,159 (0,142-0,176)		0,23 (0,219-0,241)		2665 8589	

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2024	
	Все	RDD-2024				Жертвы			Не-жертвы
		Все	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее		
		Среднее	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее		
Уровень образования									
Полное среднее и ниже	0,144 (0,138-0,15)		0,221 (0,212-0,23)		0,191 (0,173-0,209)	2665	0,23 (0,219-0,241)	8589	0,46 (0,456-0,464)
Среднее спец-ное/техническое или нач-ное профес-ное	0,31 (0,301-0,319)		0,478 (0,467-0,489)		0,482 (0,459-0,505)	2665	0,476 (0,463-0,489)	8589	0,187 (0,184-0,19)
Высшее и незаконченное высшее	0,546 (0,537-0,555)		0,301 (0,291-0,311)		0,327 (0,306-0,348)	2665	0,294 (0,282-0,306)	8589	0,353 (0,349-0,357)

Продолжение табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2024
	RDD-2024							
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы			
			Среднее	Среднее	n	n		
Уровень дохода								
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	0,071 (0,066-0,076)	0,09 (0,083-0,097)	0,097 (0,083-0,111)	2583	0,087 (0,08-0,094)	8134		
На продукты хватает, на одежду нет	0,2 (0,192-0,208)	0,234 (0,224-0,244)	0,269 (0,249-0,289)	2583	0,223 (0,212-0,234)	8134		
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	0,317 (0,308-0,326)	0,318 (0,307-0,329)	0,327 (0,305-0,349)	2583	0,315 (0,303-0,327)	8134		
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	0,29 (0,281-0,299)	0,251 (0,241-0,261)	0,229 (0,21-0,248)	2583	0,258 (0,247-0,269)	8134		

Окончание табл. 3

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2024	
		RDD-2024							
		Все		Жертвы		Не-жертвы			
		Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее	
Можем позволить автомобиль, но квартиру или дачу нет	0,07 (0,065-0,075)	0,058 (0,053-0,063)	0,049 (0,039-0,059)	2583	0,061 (0,055-0,067)	8134			
Можем позволить себе практически все: квартиру и т.д.	0,052 (0,048-0,056)	0,049 (0,044-0,054)	0,029 (0,021-0,037)	2583	0,056 (0,05-0,062)	8134			

Прим.: в круглых скобках указаны значения 95% доверительного интервала. В колонках «n» указано количество наблюдений с учетом неответов. CI для данных КОУЖ из-за 100 тыс. выборки имеет крайне узкие значения и поэтому не приводится. Данные КОУЖ приведены для взрослого населения страны с учетом весов. В колонках «n» указано количество наблюдений с учетом неответов. Изменена группировка возраста: категории «18–24» и «25–34» объединены в одну «18–34».

дующей волне опроса, но по факту был опрошен только каждый четвертый. Уменьшение лонгитюдной выборки принято называть иссяканием панели (англ. panel attrition). За три года оно составило 75%⁴⁶. При таком количестве отсутствующих ответов вероятно появление новых источников смещений. Несмотря на явное усложнение ситуации, часто исследователи игнорируют этот вызов [137].

Основные причины, по которым отсутствуют данные в панельном опросе, те же, что и для кросс-секции: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа [90]. Но чем продолжительней лонгитюд, тем сильнее специфические факторы роста числа неответов, такие как миграция, смерть или тяжелая болезнь участника панели, отсутствие долгосрочных обязательств, выгорание и др. (обзор см. в [138; 139]). Лонгитюдная часть RCVS состоит только из двух волн, поэтому здесь мы сосредоточимся только на общих проблемах смещения. Метаданные опроса когорты позволяют декомпозировать эффект смещения. Сформулируем это в терминах взвешивания⁴⁷:

$$w_i(t) = w_{i,t_{2021}} \frac{1}{c_i(t)r_i(t)} \#(2)$$

где $w_i(t)$ — итоговый вес каждого наблюдения в панели, аргумент обозначает переход между опросом 2021 г. и 2024 г. $w_i(t)$ является произведением трех множителей: 1) $w_{i,t_{2021}}$ — кросс-секционный вес респондента в «базовой» волне 2021 г.,

⁴⁶ Насколько это много? Если обратиться к опыту РМЭЗ, то кумулятивный коэффициент иссякания к моменту проведения 4-й волны составил 37% [136, supplemental Material]. РМЭЗ стартовал в 1994 г., сбор данных проводится ежегодно, но в 1997 г. опрос не состоялся, поэтому данные приведены за первые 4 года. При этом речь идет о середине 90-х, когда метрики достижимости респондентов были значительно выше.

⁴⁷ Мы опирались в первую очередь на опыт расчета панельных весов для European Community household panel (ECHP) [140; 141] и Household, Income and Labour Dynamics in Australia (HILDA) [142].

2) инверсией $c_i(t)$ — вероятности контакта с участником панели, и 3) инверсией $r_i(t)$ — вероятности повторного участия в опросе.

Расчет кросс-секционного веса в RCVS идентичен для всех 3-х волн, поэтому рассмотрим два оставшихся компонента.

Иссякание панели. Вероятность контакта

На вероятность успешного контакта интервьюера с потенциальным респондентом могут влиять разные обстоятельства. В литературе выделяют несколько групп факторов [138; 141; 142; 143; 144]. Например, социально-демографические характеристики самого интервьюера (пол, возраст, образование и пр.), его профессиональные (опыт работы, навыки) и личностные качества (мотивация, особенности характера), а также взгляды и убеждения. Условия работы и прилагаемые усилия (количество попыток, рабочая нагрузка). Методика сбора данных и непосредственные обстоятельства опроса (дата, время, социокультурный и локальный контекст).

При оценке можно отчасти обойти проблему принципиальной ненаблюдаемости и сложности операционализации многих из перечисленных выше факторов. Например, индивидуальные особенности интервьюеров, дней обзвона и регионов проживания респондентов можно учесть, включив в модель соответствующие фиксированные эффекты [145]⁴⁸. Так мы и поступили (см. уравнение (3)), используя метаданные когортной выборки. Всего для сбора 3 456 интервью было совершено 78 178 звонков 13 806 участникам предыдущей волны. 76% звонков были результативны — интервьюер установил контакт с нужным человеком.

⁴⁸ В процитированной работе фиксированные эффекты интервьюеров используются в качестве источника экзогенной вариации в стиле модели Хекмана. Это позволило авторам улучшить оценку распространенности ВИЧ-инфекции в Замбии.

$$\delta_{ikt}(t) = \beta_0 + interviewer_k + date_t + region_i + \epsilon_{ikt} \quad \#(3)$$

где $\delta_{ikt}(t)$ — факт успешного контакта интервьюера⁴⁹ k с участником панели i в момент времени t ; $interviewer_k$ — фиксированные эффекты интервьюеров, $date_t$ — фиксированные эффекты дней контакта, $region_i$ — фиксированные эффекты регионов мобильных операторов.

С помощью представленной модели была предсказана индивидуальная вероятность контакта для каждого участника панели (ответивших на звонок и неответивших). Полученный результат является оценкой $c_i(t)$. Взвешивание по обратной вероятности соответствует величине $1/c_i(t)$ ⁵⁰.

Заметим, что при проведении панельного опроса у интервьюеров был фиксированный лист потенциальных респондентов и отсутствовали строгие временные рамки обзвона. В таких условиях эффективность сбора данных ощутимо зависит от усилий интервьюера и его индивидуальных качеств, и, конечно, бюджетных ограничений заказчика. Об этом косвенно свидетельствует и гораздо более зашумленная аналогичная оценка, полученная для RDD-выборки (в результате от неё мы отказались).

Иссякание панели. Вероятность участия в опросе

В Табл. 4 представлены социально-демографические характеристики участников опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос через три года. Сопоставим социальный портрет людей, принявших участие во второй волне лонгитюдного

⁴⁹ В эту категорию включены все попытки дозвона, которые окончились «снятием трубки» участником опроса 2021 г. Более подробно о группировке первичных статусов звонков см. в приложении к работе [37].

⁵⁰ Как и при калибровке кросс-секционного веса, мы установили верхнюю границу для веса в 5 — при его превышении наблюдению присваивалось пороговое значение.

исследования, с портретом неучаствовавших. Все характеристики указаны на момент 2021 г. В последней колонке таблицы приведены результаты оценки регрессии факта повторного участия респондента в опросе на его социально-демографические характеристики. Из чего следует, что в выборке 2024 года перепредставлены респонденты: мужчины, с высшим образованием, средним доходом, средней и старшей возрастных групп; и недопредставлены — одиночки, проживающие в сельской местности. Примечательно, что профиль выбытия наблюдений в RCVS схож с аналогичным паттерном четырех волн лонгитюдного проекта «Ценности в кризисе» 2020–2022 гг.⁵¹ [146].

Для коррекции данного смещения можно использовать индивидуальную вероятность участия каждого респондента в повторном опросе. Для этого оценим уравнение (4) с помощью логит-модели:

$$\alpha_i(t) = \beta_0 + \gamma'x_i + region_i + \epsilon_i \quad \#(4)$$

где $\alpha_i(t)$ — факт участия респондента в двух волнах панели 2021–2024 гг., x_i — вектор социально-демографических характеристик респондента по состоянию на 2021 г., включающий пол, семейное положение, возраст, уровень образования, рабочий статус, доход, факт ведения одиночного домохозяйства и проживания в сельской местности; $region_i$ — фиксированные эффекты регионов проживания респондентов.

Теперь с помощью оцененной модели мы можем предсказать индивидуальные вероятности для каждого наблюдения в выборке. Примем эти значения за величину $r_i(t)$.

При оценке уравнения 3 необходимо указать на два ограничения. Первое, в момент проведения опроса у нас никогда нет непосредственной информации, почему одни люди отвечают, а другие нет. Эта модель — аппроксимация, основанная на наблюдаемых

⁵¹ «Ценности в кризисе» (англ. «Values in Crisis International»). Данные доступны в репозитории [147].

Таблица 4
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕСПОНДЕНТОВ 2021 Г.,
ПРИНЯВШИХ И НЕ-ПРИНЯВШИХ ПОВТОРНОЕ УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ 2024 Г.

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)				Оценка смещения	
	не-ответившие в 2024 г.		ответившие в 2024 г.			
	Среднее	n	Среднее	n	Бета	
Мужчина	0.472 (0.462-0.482)	10405	0.49 (0.473-0.507)	3455	0.021 (0.009)**	
Возраст	44.363 (44.059-44.667)	10405	44.878 (44.396-45.36)	3455		
Женат/замужем	0.595 (0.586-0.604)	10405	0.639 (0.623-0.655)	3455	0.006 (0.008)	
Живет один/одна	0.205 (0.197-0.213)	10405	0.173 (0.16-0.186)	3455	-0.028 (0.012)**	
Живет в сельской местности	0.253 (0.245-0.261)	10405	0.21 (0.196-0.224)	3455	-0.021 (0.009)**	
Безработный	0.362 (0.353-0.371)	10405	0.31 (0.295-0.325)	3455	-0.015 (0.009)	
Получает пенсию	0.253 (0.245-0.261)	10405	0.236 (0.222-0.25)	3455	0 (0.015)	
Размер домохозяйства, чел.	2.819 (2.789-2.849)	10405	2.866 (2.817-2.915)	3455		
Совокупный месячный доход домохоз.	72.681 (71.048-74.314)	6186	77.291 (74.72-79.862)	2260		
Ежем. доход на члена домохоз.	32.8 (31.857-33.743)	6186	33.579 (32.159-34.999)	2260		

Продолжение табл. 4

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)				Оценка смещения
	не-ответившие в 2024 г.		ответившие в 2024 г.		
	Среднее	n	Среднее	n	Бета
	Возрастная группа				
18-34	0.312 (0.303-0.321)	10405	0.266 (0.251-0.281)	3455	ref.
35-49	0.327 (0.318-0.336)	10405	0.379 (0.363-0.395)	3455	0.048 (0.01)***
50-64	0.229 (0.221-0.237)	10405	0.235 (0.221-0.249)	3455	0.047 (0.014)***
65+	0.133 (0.126-0.14)	10405	0.12 (0.109-0.131)	3455	0.044 (0.021)***

Продолжение табл. 4

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)				Оценка смещения	
	не-ответившие в 2024 г.		ответившие в 2024 г.			
	Среднее	n	Среднее	n	Бета	
Уровень образования						
Полное среднее и ниже	0.214 (0.206-0.222)	10405	0.15 (0.138-0.162)	3455	ref.	
Среднее спец-ное/техническое или нач-ное профес-ное	0.377 (0.368-0.386)	10405	0.331 (0.315-0.347)	3455	0.021 (0.011)*	
Высшее и незаконченное высшее	0.409 (0.4-0.418)	10405	0.518 (0.501-0.535)	3455	0.085 (0.011)***	
Уровень дохода						
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	0.107 (0.101-0.113)	9947	0.086 (0.076-0.096)	3322	ref.	
На продукты хватает, на одежду нет	0.265 (0.256-0.274)	9947	0.24 (0.225-0.255)	3322	0.007 (0.014)	
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	0.334 (0.325-0.343)	9947	0.352 (0.336-0.368)	3322	0.025 (0.015)*	

Окончание табл. 4

	Участники опроса 2021 г., согласившихся на повторный опрос в 2024 г. (96% всех респондентов)		Оценка смещения	
	не-ответившие в 2024 г.		Бета	
	Среднее	n	Среднее	n
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	0.191 (0.183-0.199)	9947	0.225 (0.211-0.239)	3322
Можем позволить автомобиль, но квартиру или дачу нет	0.06 (0.055-0.065)	9947	0.067 (0.058-0.076)	3322
Можем позволить себе практически все: квартиру и т.д.	0.043 (0.039-0.047)	9947	0.031 (0.025-0.037)	3322
Был жертвой преступления за последние 5 лет	0.187 (0.179-0.195)	10248	0.22 (0.206-0.234)	3409
Был жертвой преступления за последние 12 мес.	0.106 (0.1-0.112)	10360	0.12 (0.109-0.131)	3437

Прим.: сведения о доходе представлены в ценах 2024 г. В последней колонке представлены результаты оценки регрессии (Linear probability model, LPM), где зависимая переменная — факт повторного участия респондента в опросе, независимые переменные — базовые социально-демографические характеристики по состоянию на 2021 г. В модель включены фиксированные эффекты региона проживания респондента. Ошибки кластеризованы на уровне региона. Уровень значимости: * — $p < 0,1$; ** — $p < 0,05$; *** — $p < 0,01$.

данных: факте повторного участия в опросе и исторических значениях характеристик респондента. Одно из проявлений условий MCAR. Второе, выбор переменных⁵². В литературе можно встретить разные альтернативы, но есть и «стандартный» набор соцдема. Наш выбор переменных практически полностью совпадает с перечнем, описанным [138]. Среди других переменных встречаются упоминания о важности этнической принадлежности, страны происхождения, состояния здоровья и количества детей [142]. Часть обширной литературы, посвящённой изучению «эффекта интервьюера», затрагивает обсуждаемый вопрос. Однако из-за ограниченного объема статьи назовем лишь обзорные исследования [143; 148]⁵³.

Коррекция смещения выборки. Результат для когорты

В Табл. 5⁵⁴ представлены результаты взвешивания когорты в 2024 г. При сравнении данных когорты с КОУЖ необходимо учитывать лонгитюдный характер наблюдения и отсутствие обновления панели: участники когорты 2021 г. повзрослели на 3 года. В среднем это сдвигает «вправо» возраст, образование и семейное положение. Напомним, что при описании Табл. 4 мы указали на перепредставленность: мужчин, лиц с высшим образованием, лиц со средним доходом, лиц средней и старшей возрастной группы; и недопредставленность участников, ведущих одиночные домохозяйства и проживающих в сельской местности.

⁵² Есть и статистические соображения при выборе переменных см. [101; 102]

⁵³ При оценке уравнения (2) на данных когорты 2024 г. мы включили в модель фиксированные эффекты интервьюеров, однако дисперсия рассчитанных весов увеличилась вдвое. В связи с этим мы отказались от этой опции.

⁵⁴ В приложении в Табл. П2 и П3 представлена декомпозиция дизайн-эффекта сбалансированной панели для обеих волн лонгитюда и несколько ключевых распределений, по которым мы отслеживали масштаб коррекции.

В Табл. 5 в колонке «Когорта 2024» представлены выборочные моменты исходных данных. Далее серия колонок посвящена результатам взвешивания. В последней колонке — «КОУЖ 2020» — размещен ориентир. Интерпретировать Табл. 5 следует в формате: «было» — «стало» — «цель». Наблюдается неоднородность коррекции образования, как в случае с кросс-секцией. Значительно улучшилась ситуация с представленностью безработных, пенсионеров и показателями дохода. В целом структура выборки стала более сбалансированной. В опубликованных данных RCVS опроса представлены отдельно все три весовых коэффициента и их произведение. Исследователь может выбрать свою конфигурацию итогового веса⁵⁵.

Объединение кросс-секционной и лонгитюдной частей выборки RCVS-2024

Основным преимуществом объединенной выборки является увеличение статистической мощности и уменьшение ошибки выборки. Это расширит круг исследовательских вопросов, которые можно будет изучить с помощью данных RCVS. Но напрямую соединить кросс-секционную и лонгитюдную части опроса 2024 г. нельзя. Когорта, опрошенная повторно, не является репрезентативной выборкой взрослого населения страны по построению, в то время как кросс-секция репрезентативна. Также есть различие в глубине горизонта виктимизации, который служит порогом для кооптации респондентов: для когорты он равен 3-летнему периоду — времени, прошедшего с момента опроса 2021 г., а для участников RDD-выборки — 5-летнему.

⁵⁵ Названия переменных в данных: вес вероятности контакта с респондентом (*contact_weight*), вес вероятности ответа респондента (*interview_weight*), и их произведение — *attrition_weight*, а также кросс-секционный вес базовой волны (*crosssection2021_weight*). Все веса нормированы на количество наблюдений в выборке.

Таблица 5

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗВЕШИВАНИЯ ЛОНГИТУДНОЙ ЧАСТИ ВЫБОРКИ

	С взвешиванием							
	Без взвешивания	Когорта						КОУЖ 2020
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы			
	Среднее	Среднее	Среднее	п	Среднее	п	Среднее	
Мужчина	0.491 (0.474-0.508)	0.438 (0.414-0.462)	0.388 (0.321-0.455)	542	0.448 (0.422-0.474)	2914	0.446 (0.442-0.45)	
Возраст	48.384 (47.902-48.866)	51.713 (50.93-52.496)	49.936 (47.939-51.933)	542	52.062 (51.217-52.907)	2914	48.595 (48.467-48.723)	
Женат/замужем	0.653 (0.637-0.669)	0.604 (0.58-0.628)	0.564 (0.496-0.632)	542	0.612 (0.586-0.638)	2914	0.621 (0.617-0.625)	
Живет один/одна	0.202 (0.189-0.215)	0.241 (0.22-0.262)	0.291 (0.229-0.353)	542	0.231 (0.209-0.253)	2914	0.167 (0.164-0.17)	
Живет в сельской местности	0.223 (0.209-0.237)	0.238 (0.217-0.259)	0.177 (0.124-0.23)	529	0.25 (0.227-0.273)	2861	0.247 (0.244-0.25)	

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием							КОУЖ 2020
		Когорта							
		Все	Все	Жертвы		Не-жертвы			
		Среднее	Среднее	Среднее	п	Среднее	п	Среднее	
Безработный	0.291 (0.276-0.306)	0.397 (0.373-0.421)	0.359 (0.293-0.425)	542	0.405 (0.379-0.431)	2905		0.416 (0.412-0.42)	
Получает пенсию	0.227 (0.213-0.241)	0.327 (0.304-0.35)	0.262 (0.202-0.322)	542	0.34 (0.315-0.365)	2914		0.364 (0.36-0.368)	
Размер домохозяйства, чел.	2.739 (2.691-2.787)	2.625 (2.553-2.697)	2.668 (2.457-2.879)	542	2.616 (2.54-2.692)	2914		2.746 (2.736-2.756)	
Совокупный месячный доход домохоз.	94.753 (91.475-98.031)	84.515 (79.882-89.148)	94.264 (81.444-107.084)	393	82.491 (77.563-87.419)	2042		84.062 (83.661-84.463)	
Ежем. доход на члена домохоз.	41.279 (39.702-42.856)	38.11 (35.927-40.293)	40.365 (34.667-46.063)	393	37.642 (35.286-39.998)	2042		34.041 (33.872-34.21)	

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2020
	Когорта							
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы			
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n		
Возрастная группа								
	18-34	0.163 (0.151-0.175)	0.15 (0.132-0.168)	0.139 (0.092-0.186)	542	0.153 (0.134-0.172)	2914	0.237 (0.234-0.24)
35-49	0.415 (0.399-0.431)	0.319 (0.296-0.342)	0.391 (0.324-0.458)	542	0.304 (0.28-0.328)	2914	0.3 (0.297-0.303)	
50-64	0.255 (0.24-0.27)	0.27 (0.248-0.292)	0.277 (0.216-0.338)	542	0.269 (0.246-0.292)	2914	0.261 (0.258-0.264)	
65+	0.168 (0.156-0.18)	0.261 (0.239-0.283)	0.193 (0.139-0.247)	542	0.274 (0.251-0.297)	2914	0.202 (0.199-0.205)	

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2020	
	Когорта								
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы				
	Среднее	Среднее	Среднее	п	Среднее	п	Среднее		
Уровень образования									
	Полное среднее и ниже	0.132 (0.121-0.143)	0.184 (0.165-0.203)	0.145 (0.097- 0.193)	540	0.192 (0.171- 0.213)	2907	0.446 (0.442-0.45)	
Среднее спец-ное/ техническое или нач-ное профес-ное	0.332 (0.316-0.348)	0.461 (0.436-0.486)	0.467 (0.399- 0.535)	540	0.46 (0.434- 0.486)	2907	0.238 (0.235-0.241)		
Высшее и незаконченное высшее	0.536 (0.519-0.553)	0.355 (0.331-0.379)	0.389 (0.322- 0.456)	540	0.348 (0.323- 0.373)	2907	0.316 (0.312-0.32)		

Продолжение табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2020
	Когорта							
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы			
	Среднее	Среднее	Среднее	n	Среднее	n	Среднее	
Уровень дохода								
	Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	0.052 (0.044-0.06)	0.066 (0.054-0.078)	0.057 (0.025-0.089)	0.068 (0.055-0.081)	525	2818	
	На продукты хватает, на одежду нет	0.188 (0.175-0.201)	0.241 (0.22-0.262)	0.273 (0.211-0.335)	0.235 (0.212-0.258)	525	2818	
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	0.361 (0.345-0.377)	0.345 (0.321-0.369)	0.373 (0.306-0.44)	0.339 (0.314-0.364)	525	2818		

Окончание табл. 5

	Без взвешивания	С взвешиванием						КОУЖ 2020
	Когорта							
	Все	Все	Жертвы		Не-жертвы			
			Среднее	Среднее	p	Среднее		
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	Среднее 0.304 (0.288- 0.32)	Среднее 0.262 (0.24- 0.284)	Среднее 0.217 (0.16- 0.274)	p 525	Среднее 0.271 (0.247- 0.295)	p 2818	Среднее	
Можем позволить автомобиль, но квартиру или дачу нет	0.064 (0.056- 0.072)	0.057 (0.045- 0.069)	0.041 (0.014- 0.068)	525	0.06 (0.047- 0.073)	2818		

Прим.: в круглых скобках указаны значения 95% доверительного интервала. CI для данных КОУЖ из-за 100 тыс. выборки имеет крайне узкие значения и поэтому не приводится. В колонках «n» указано количество наблюдений с учетом неотчетов. Сведения о доходе представлены в ценах 2024 г. Данные КОУЖ приведены для взрослого населения страны и с учетом весов.

Преодолеть эту проблему можно с помощью взвешивания, которое должно сбалансировать вероятности отбора наблюдений конечной выборки [149; 150].

Мы решили не добавлять веса для объединения кросс-секции и когорты. Во-первых, опросные данные чаще всего используются в двух модусах: если речь идет о кросс-секции, она анализируется в качестве отдельного временного среза или же несколько волн объединяются в псевдо-панель в стиле [151]; если же речь идет о лонгитюдной компоненте, то её используют в виде сбалансированной панели. Именно этими соображениями мы руководствовались при выборе способа коррекции диспропорций выборки. Во-вторых, это требует отдельного исследования и подробного описания.

Случайная выборка может быть полезна для панели и без объединения, например, для тестирования ограничений данных и оптимального выбора спецификации модели. Так, в настоящей работе мы реализовали вариант коррекции смещения панельной выборки, предположив соблюдение условия MAR с лагированным эффектом, что равносильно утверждению — «участие респондента в опросе 2024 г. отчасти зависит от его социально-демографических характеристик 2021 г.». Но вероятность повторного наблюдения может зависеть от текущих значений, а не прошлых. На этот и некоторые другие вопросы можно ответить точно, используя случайную выборку совместно с панельной, в стиле [137; 152].

Какой вес следует выбрать?

Для обеспечения репрезентативности данных при работе с отдельными кросс-секционными срезами, например волной 2024 г., необходимо применять калибровочный вес (*weight*).

В случае панельного анализа индивидуальных изменений за период 2021–2024 гг. необходимо учесть эффект истощения

выборки ($attrition\ weight_i = contact_i \times interview_i$), который позволяет скорректировать смещения, возникающие вследствие неслучайного выбывания респондентов. При экстраполяции результатов анализа индивидуальной динамики на генеральную совокупность следует учесть «кросс-секционное» смещение базовой волны лонгитюда: $w_i = crosssection2021\ weight_i \times attrition\ weight_i$. Такой подход позволяет одновременно учесть как исходные параметры дизайна выборки, так и специфику отсева между этапами исследования.

Следует учитывать, что, несмотря на устранение ряда наблюдаемых систематических ошибок, процедура взвешивания способна привести к росту дисперсии или иным искажениям.

Обсуждение

Дозвониться и взять интервью

Какое будущее у телефонных опросов? При проведении третьей волны виктимизационного опроса мы столкнулись с несколькими вызовами.

Первый — это многолетний тренд на снижение уровня ответов, который наблюдается во всем мире вне зависимости от формы сбора данных, страны проведения опроса и темы исследования. С одной стороны, эта тенденция так же стара, как и сами опросы общественного мнения. С другой стороны, мы приближаемся к уровню ответов, который измеряется долями процента: существует ли предел делимости Response Rate? В тексте мы уделили много внимания общему взгляду на проблему смещения выборки и ситуациям, когда это становится проблемой для исследователя. Прямой связи RR и смещения выборки нет, но также очевидно, что крайне низкие показатели доступности респондентов не добавляют оптимизма при работе с результатами опроса.

Второй вызов — это всплеск государственного регулирования (см. Табл. П1), которое создает для абонентов технические

возможности исключения из пула потенциальных участников (запрет на массовые рассылки и спам-звонки) и одновременно порождает правовую неопределенность для полстеров при работе с персональными данными респондентов⁵⁶.

Опыт проведения RCVS может быть особенно полезен исследователям, планирующим проведение лонгитюдного исследования. Так, уровень ответов (RR3) и кооперации (COOP1) участников панели на порядок выше, чем респондентов кросс-секционной части выборки: 0,15–0,91% против 25% и 0,93–4,7% против 40% соответственно. И это несмотря на 3-летний перерыв между волнами и рост телефонных мошенничеств, что создает негативный фон при проведении любых телефонных опросов. Таким образом, единожды эффективный контакт с респондентом приобретает ощутимую добавочную стоимость, которая может компенсировать сложности первичного сбора данных.

Высокая кооперативность участников панели отчасти намекает на решение проблемы, связанной с усилением регулирования деятельности полстеров. Основная сложность правового оформления передачи и хранения персональных данных заключается в необходимости получения письменного согласия от опрашиваемого лица. В онлайн-формате этот процесс реализуется значительно проще. Кооперативность участников панели, вероятно, облегчит переход от f2f/CATI первой волны к некоторой смешанной форме при повторном опросе. Опыт национального опроса жертв преступлений в США (NCVS) многие годы демонстрировал эффективность стратегии, предусматривающей личное интервью при первичной кооптации респондента в панель и использование телефонного опроса для последую-

⁵⁶ Государственное регулирование может иметь и положительный эффект. Введение платы за маркировку звонков и ограничение массовых автоматизированных вызовов значительно увеличат стоимость проведения опросов, но при этом уменьшится и количество нерелевантных звонков для абонентов, что может положительно сказаться на уровне достижимости респондентов.

щих волн. Отметим, что ещё в 2019 г. AAPOR опубликовала доклад [69] о наметившейся тенденции к переходу от доминирующих в мире телефонных опросов к самозаполнению и смешанным форматам участия. Даже среди сензитивных опросов жертв преступлений наметилась тенденция на расширение использования альтернативных форм сбора интервью. По всей видимости, онлайн-опросы в ближайшем будущем станут столь же значимым инструментом социологических исследований, каким стали телефонные опросы в середине 1970-х годов.

Опыт лонгитюдного исследования RCVS приводит нас к парадоксальному заключению: бюджет когортного исследования, состоящего из нескольких волн, может быть таким же или меньшим по сравнению с затратами, необходимыми для проведения аналогичного количества кросс-секционных волн в современном социально-правовом контексте.

Смещения выборки

Если низкие показатели достижимости респондентов сами по себе не определяют смещения выборки, то любые возможные само-запреты на контакт напрямую создают угрозу репрезентативности выборки. Повальное распространение телефонных мошенничеств усиливает опасения по поводу качества опросных данных, собранных посредством телефонного обзвона. В этих условиях важно уметь диагностировать возможные проблемы и предложить средства для коррекции их последствий. Именно поэтому большая часть настоящей статьи, посвящена развернутому описанию процедуры расчета постстратификационных весов (калибровки) с использованием алгоритма рэкинга для кросс-секции и декомпозиции весов лонгитюдной части выборки.

Опыт RCVS показывает, что при пост-стратификации исследователь обладает изрядным количеством степеней свободы при принятии решений. Это позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, классическая реализация IPW при расчете постстратификационных весов демонстрирует недостаточную гибкость. Метод рэкинга позволяет ослабить и обойти некоторые требования классического подхода, что, по нашему мнению, делает его более предпочтительным выбором для исследователя.

Во-вторых, наличие множества потенциальных решений требует более детального раскрытия информации как о конечном выборе, так и о его обосновании.

Гибкое и эффективное решение коррекции смещений выборки востребовано и потому, что современный подход к эконометрическому моделированию меняет исследовательскую оптику всех социальных наук: фокус смещается с анализа ковариат на оценку эффекта/причины воздействия конкретной переменной. В этом контексте «общий усредненный» выбор измерений для расчета постстратификационных весов может быть слишком грубым и потребует расчета весов, учитывающих специфику конкретного исследовательского вопроса.

Полезность пара-/метаанных опроса

Существует множество достойных применений метаанных опроса. Широкий взгляд на актуальную исследовательскую повестку можно найти в специальном выпуске *Public Opinion Quarterly* [153]. Здесь мы хотели бы указать на два возможных сценария использования этих данных. Так, наличие богатых метаанных RCVS, позволило нам декомпозировать смещение панельной выборки на две главные компоненты: невозможность установить контакт с респондентом и отказ от ответа [90].

Другим сценарием использования метаанных опроса, который не так часто попадает в обзоры, является включение их в эконометрическое моделирование. Например, информация об интервьюерах позволила улучшить оценку распространения ВИЧ-инфекции в Замбии [145]. Кроме того, если для расчета

весов используются данные, предсказывающие вероятность участия в опросе и одновременно связанные с переменной исследовательского интереса, то уменьшаются и смещение, и дисперсия оценок. В качестве таких переменных часто выступают парадоксные опросы [102].

Стратификация

Из трех волн RCVS первые две были проведены без процедуры стратификации, а выборка 2024 г. — стратифицирована на уровне укрупненных федеральных округов. Опыт RCVS однозначно говорит в пользу стратификации RDD-выборки. В результате региональная структура выборки 2024 г. без дополнительных усилий стала значительно более пропорциональной в сравнении с волнами 2018 и 2021 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с. ISBN 5-94201-320-9.
2. Beck A., Robertson A. Crime in Russia: Exploring the Link between Victimization and Concern about Crime // Crime Prevention and Community Safety. 2003, vol. 5, № 1. P. 27–46. DOI: 10.1057/palgrave.cpcs.8140137.
3. Зварыгин В. Е., Стех Э. Э. Латентная преступность и фактическая виктимизация населения в Удмуртской Республике (по результатам проведенного в 2007 г. криминологического исследования) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2008, № 1. С. 121–125. EDN: SZCXQZ.
4. Инишаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009, т. 16, № 1. С. 107–130. EDN: TIIPIL.
5. Semukhina O. Unreported Crimes, Public Dissatisfaction of Police, and Observed Police Misconduct in the Volgograd Region, Russia: A Research Note // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2014, vol. 38, № 4. P. 305–325. DOI: 10.1080/07418820600985339.
6. Майоров А. Современный анализ виктимизации в обществе (на примере Уральского федерального округа) // Виктимология. 2015, т. 4, № 2. С. 59–69. EDN: UKSOXJ.

7. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Опыт измерения уровня виктимизации населения Нижегородского региона // Актуальные проблемы экономики и права. 2016, т. 10, № 3. С. 175–186. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.175-186. EDN: WKNOHD.
8. Dolgorukova I. V., Kirillov A. V., Mazaev Y. N., Tanatova D. K., Yudina T. N. The Dynamics of Victimization of the Russian Population: A Sociological Evaluation // RUDN Journal of Sociology. 2018, vol. 18, № 2. P. 303–317. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-303-317.
9. Взаимоотношения полиции и граждан: исследование ФОМ по заказу МВД Криминальные угрозы, опасения россиян и их контакты с органами внутренних дел // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ): [сайт]. 07.11.2013. URL: <https://fom.ru/posts/11180> (дата обращения: 25.08.2025).
10. Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019, т. 150, № 2. С. 4–31. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01. EDN: SKWVLR.
11. Жмуров Д. В., Коробеев А. И., Протасевич А. А. Кибервиктимология. Первое национальное исследование // Российский следователь. 2022, № 11. С. 49–59. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-11-49-59. EDN: JBBUHT.
12. Жмуров Д. В. Виктимологическая характеристика жертв киберпреступлений России // Вопросы российского и международного права. 2024, т. 14, № 4-1. С. 532–538. EDN: BXYAG.
13. Камалов Э., Сергеева И. Партнерское насилие в России: результаты серии опросов. 2023. URL: https://violencemonitor.org/report_2023 (дата обращения: 26.06.2026).
14. Серебренников Д., Титаев К. Динамика преступности и виктимизации в России 2018–2021 гг. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2022. 34 с. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (дата обращения: 26.06.2026).
15. Серебренников Д. Е., Кучаков Р. К., Бобриков Д. Д., Бондарьков С. В., Боچارов Т. Ю., Гегельман А. С., Дмитриева А., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Леденев В. В., Османов Т. Э., Скугаревский Д. А., Ходжаева Е. А. Виктимизация в России: долгосрочные тренды преступности // Экономическая социология. 2026, т. 28, № 4. (Принята к публикации).
16. Гурвич И. Н. Виктимизация как фактор изменения правосознания граждан // Социологические исследования. 1999, № 1. С. 142–143.
17. National Crime Victimization Survey: [site]. URL: <https://bjs.ojp.gov/data-collection/ncvs> (дата обращения: 25.08.2025).

18. *Van Kesteren J., Van Dijk J., Mayhew P.* The International Crime Victims Surveys: A Retrospective // *International Review of Victimology*. 2014, vol. 20, № 1. P. 49–69. DOI: 10.1177/0269758013511742.

19. *Van Kesteren J., Van Dijk J.* The International Crime Victims Survey, 1989–2005. ICPSR — Interuniversity Consortium for Political and Social Research, 2015. URL: <https://www.openicpsr.org/openicpsr/project/100095/version/V2/view> (дата обращения: 26.06.2026).

20. *Crime and Crime Prevention in Moscow* / Ed. by M. Alexeyeva, A. Patrignani. Rome: United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI), 1994. 176 p. ISBN 978-9290780274.

21. Европейское социальное исследование. Российская Федерация // Портал данных ESS: [сайт]. URL: <https://ess.sikt.no/en/country/321b06ad-1b98-4b7d-93ad-ca8a24e8788a/ru> (дата обращения: 04.09.2026).

22. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под ред. А.В. Андреевкова, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009. 383 с. ISBN 978-5-87444-344-3.

23. *Андреевкова А. В.* Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый хронограф, 2014. 512 с. ISBN 978-5-94881-285-4. EDN: ЕКРВОJ.

24. *Щепельков В. Ф., Пряхина Н. И., Суслина Е. В.* Домашнее насилие в России: криминологический анализ современного состояния (на основе всероссийского опроса населения) // *Всероссийский криминологический журнал*. 2025, т. 19, № 5. С. 473–483. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(5).473-483. EDN: MBGHJW.

25. *Савин С. Д., Щепельков В. Ф., Сидорова А. Н.* Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2025, т. 25, № 1. С. 64–78. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78. EDN: FVQRPW.

26. Преступность в России // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ): [сайт]. 23 марта 2023 г. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14851> (дата обращения: 03.05.2026).

27. Телефонные мошенники // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ): [сайт]. 27 мая 2025 г. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/15190> (дата обращения: 03.05.2026).

28. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость // *Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]*. 22 февраля 2017 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost-> (дата обращения: 03.05.2026).

29. Телефонное мошенничество: масштабы и потери // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 7 июля 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-masshtaby-i-poteri> (дата обращения: 03.05.2026).

30. Телефонное мошенничество: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 20 февраля 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 03.05.2026).

31. Покупки в интернете: доверие против мошенничества мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. 16 марта 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-v-internete-doverie-protiv-moshennichestva> (дата обращения: 03.05.2026).

32. Домашнее насилие // Левада-Центр: [сайт]. 13 сентября 2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/13/domashnee-nasilie/> (дата обращения: 03.05.2026).

33. Насилие над женщинами // Левада-Центр: [сайт]. 7 апреля 2020 г. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/07/nasilie-nad-zhenshhinami/> (дата обращения: 25.08.2025).

34. Сексуальные домогательства // Левада-Центр: [сайт]. 22 апреля 2020 г. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/22/seksualnye-domogatelstva/> (дата обращения: 25.08.2025).

35. Приложение №2 к приказу Росстата от 11.04.2024 № 149. Федеральное статистическое наблюдение. Комплексное наблюдение условий жизни населения: индивидуальный вопросник для лиц в возрасте 15 лет и более. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/02_ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ_ВОПРОСНИК.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

36. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 25.08.2025).

37. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D. Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections and a Longitudinal Panel, 2018–2024. SSRN, 2026. DOI: 10.2139/ssrn.6418058.

38. 18-я и 19-я волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «j229–332». URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/27/1274110903/R19_ind_codebook_09.2024.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

39. 34-я волна Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: вопросы «ddj606—ddj606.2». URL: https://www.hse.ru/data/2026/09/01/247934934/R34_ind_codebook.pdf (дата обращения: 04.09.2026).

40. Анкетолог: [сайт]. URL: <https://anketolog.ru> (дата обращения: 25.08.2025).
41. *Рогозин Д. М.* Фабрики «темных» ответов, или четыре негативных свойства современных опт-ин онлайн-панелей // Социология власти. 2018, т. 30, № 3. С. 38–53. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-3-38-53. EDN: YMCUPJ.
42. *Korsunova V., Sokolov B.* Online Surveys in Nondemocratic Contexts: Evidence from Russia // International Journal of Public Opinion Research. 2025, vol. 37, № 3. P. edaf030. DOI: 10.1093/ijpor/edaf030.
43. *Щербаков Р. А.* Индивидуальные практики кибербезопасности: связь с социально-экономическим статусом и опытом переживания рисков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026, № 2. С. 216–235. DOI: 10.14515/monitoring.2026.2.3117.
44. *Щербаков Р. А.* Киберагрессия и киберпреступления в современной России: факторы риска // Социологические исследования. 2025, т. 10, № 10. С. 39–51. DOI: 10.7868/S3034601025100043. EDN: YLFITYC.
45. Online Market Intelligence (OMI): [сайт]. URL: <https://www.omirussia.ru> (дата обращения: 25.08.2025).
46. Guidelines for Producing Statistics on Violence against Women—Statistical Surveys // Организация Объединенных Наций, 2014. 218 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/gender/docs/guidelines_statistics_vaw.pdf (дата обращения: 25.08.2025).
47. *Kamalov E., Sergeeva I.* What Works for Measuring Intimate Partner Violence: Evidence from a Series of List Experiments and Self-Administered Surveys // Sociological Methods & Research. 2026. DOI: 10.1177/00491241261436407.
48. *Gilev A., Valastro T., Vyrskaya M., Zavadskaya M.*⁵⁷ Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes (PROPA) Wave 5. 2026. DOI: 10.48320/594738E2-79D8-4337-A60F-2B30A009715F.
49. PROPA — Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes // University of Helsinki: [site]. URL: <https://blogs.helsinki.fi/propa-public-opinion/media-publications/> (дата обращения: 25.06.2026).
50. Всероссийский опрос жертв преступлений: [сайт]. URL: <https://rcvs.enforce.spb.ru> (дата обращения: 26.06.2026).
51. Russian Crime Victimization Survey (RCVS) // GitHub: [site]. URL: <https://github.com/irlcode/RCVS> (дата обращения: 26.06.2026).
52. *Кнорре А., Тумаев К.* Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2018. URL: https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

⁵⁷ Признана Минюстом РФ лицом, выполняющим функции иностранного агента.

53. Международное исследование общественной безопасности в Кыргызстане. 2015. 98 с. URL: <https://reforma.kg/media/post/postpdf/2018-06-09-1934749430.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

54. Ван Дейк Я., ван Кестерен Д., Трошев А., Слейд Г. Исследование «Оценка уровня безопасности населения и доверия к правоохранительным органам» (международный опрос виктимизации в Казахстане). 2018. 66 с. ISBN 978-601-06-5338-2. URL: https://drive.google.com/file/d/1mSQ6nni9VnCRniekLuHeh1cLLff_PHS0/view (дата обращения: 25.08.2025).

55. Результаты виктимологического исследования среди населения Ферганской долины Республики Узбекистан. 2023. 95 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1U2GulFXLEmB9_Vg65zeq1zubTBgoBFWf/view (дата обращения: 25.08.2025).

56. *Van Dijk J., Chantulia T., Glonti G.* Victimization Survey Report. Support to the Security Sector Reform Programme Preparation, Funded by the European Union. IBF International Consulting, July 2021. 75 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1NGsENibCE90RXj0_155zfErIKN05qLZ7/view (дата обращения: 26.06.2026).

57. *Shahbazov I.* Victimization of the Azerbaijani Population: Combating Criminal and Illegal Activities through Engagement with Relevant Institutions. Baku: Social Research Center, 2020. 24 p.

58. *Shahbazov I., Afandiyev Z., Balayeva A.* Some Determinants of Crime Reporting Among Economic and Financial Crime Victims: The Case of Azerbaijan // Journal of White Collar and Corporate Crime. 2023, vol. 4, № 1. P. 24–37. DOI: 10.1177/2631309X211037922.

59. *Cantor D.* Methodological Developments and Innovations of the National Crime Victimization Survey, 1972–2023 // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2025, vol. 41, № 1. P. 9–29. DOI: 10.1177/10439862241289783.

60. Kantar Public, Office for National Statistics Work Package A: Developing and Testing an Online Version of the CSEW Questionnaire // Research on Transforming the Crime Survey for England and Wales. 2022.

61. *Hales J.* Longitudinal Analysis of Offending, Crime and Justice Survey 2003–06. London: Home Office, 2009.

62. *Van Der Velden P. G., Contino C., Das M.* Data of the Multi-Wave Population-Based Prospective Victims in Modern Society (VICTIMS) Study on Potential Traumatic Events, Social Support, Mental Health, Coping Self-Efficacy and Services Use // Data in Brief. 2024, vol. 54. P. 110346. DOI: 10.1016/j.dib.2024.110346.

63. Victims in Modern Society // LISS panel: [site]. URL: <https://www.dataarchive.lissdata.nl/study-units/view/945> (дата обращения: 25.08.2025).

64. *Johnston D. W., Shields M. A., Suziedelyte A.* Victimization, Well-being and Compensation: Using Panel Data to Estimate the Costs of Violent Crime // Economic Journal. 2018, vol. 128, № 611. P. 1545–1569. DOI: 10.1111/eoj.12478.

65. *Braakmann N.* How Do Individuals Deal with Victimization and Victimization Risk? Longitudinal Evidence from Mexico // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012, vol. 84, № 1. P. 335–344. DOI: 10.1016/j.jebo.2012.04.001.

66. *Aebi M., Linde A.* National Victimization Surveys // *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice* / Ed. by G. Bruinsma, D. Weisburd. New York: Springer, 2014. P. 3228–3242. DOI: 10.1007/978-1-4614-5690-2_445.

67. *Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M.* Criminal Victimization and Health: Examining the Relation in Nine Countries of the Former Soviet Union // *Social Science & Medicine*. 2013, vol. 91. P. 76–83. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.05.004.

68. *Османов Т. Е., Рогозин Д. М.* Оптимальное соотношение мобильных и стационарных телефонов в двухосновной выборке, проектируемой для телефонного опроса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016, № 5. С. 41–63. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.04. EDN: YFOSPD.

69. Ежедневный всероссийский опрос «СПУТНИК». Первый в стране ежедневный всероссийский телефонный омнибус // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): [сайт]. URL: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik> (дата обращения: 25.08.2025).

70. Реестр российской системы и плана нумерации (выгрузка по состоянию на 29.11.2024) // Реестр открытых данных: [сайт]. URL: <https://opendata.digital.gov.ru/registry/numeric> (дата обращения: 25.08.2025).

71. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 25.08.2025).

72. Report of the AAPOR Task Force on Transitions from Telephone Surveys to Self-Administered and Mixed-Mode Surveys. October 2019. 327 p. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Report-of-the-Task-Force-on-Transitions-from-Telephone-Surveys-FULL-REPORT-FINAL.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

73. *Jabkowski P., Cichocki P.* Survey Response Rates in European Comparative Surveys: A 20-Year Decline Irrespective of Sampling Frames or Survey Modes // *Quality & Quantity*. 2025, vol. 59, № S1. P. 635–655. DOI: 10.1007/s11135-024-01993-9.

74. Report from the AAPOR task force on the Future of U.S. General Population Telephone Survey Research, 2017. 74 p. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Future-of-Telephone-Survey-Research-Report.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

75. Marken S. Still Listening: The State of Telephone Surveys // Gallup: [site]. URL: <https://news.gallup.com/opinion/methodology/225143/listening-state-telephone-surveys.aspx> (дата обращения: 25.08.2025).

76. Response rates in telephone surveys have resumed their decline // Pew Research Center: [site]. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/02/27/response-rates-in-telephone-surveys-have-resumed-their-decline/> (дата обращения: 25.08.2025).

77. Доклады на XIII Грушинской социологической конференции, секция «Проблема неответов в турбореальности». 25 мая 2023г. URL: <https://conf.wciom.ru/materialy-konferencii/2023/section/section-24> (дата обращения: 25.08.2025).

78. ПАО Сбербанк: Империя лжи. Бердянский экспресс: история одного мошеннического колл-центра: аналитический доклад. М.: ПАО Сбербанк, 2022. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-vvedenie?ysclid=mqvjpnx4h8791305232> (дата обращения: 26.06.2026).

79. Saturn: [site]. URL: <https://saturn.sisltld.ru/> (дата обращения: 25.08.2025).

80. Standard Definitions. Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys. 2023. 90 p. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2024/03/Standards-Definitions-10th-edition.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

81. Reiczigel J., Földi J., Ózsvári L. Exact Confidence Limits for Prevalence of a Disease with an Imperfect Diagnostic Test // *Epidemiology and Infection*. 2010, vol. 138, № 11. P. 1674–1678. DOI: 10.1017/S0950268810000385.

82. Лосенкова Н. А., Галашова Н. Б. Исследовательские компетенции интервьюера: возможности и пределы // VII Грушинская социологическая конференция. URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2018/prez/7/Galashova_Losenkova.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

83. Knorre A., Titaev K. Russian Crime Victimization Survey 2018. Harvard Dataverse, 2019. DOI: 10.7910/DVN/C2OTH9.

84. Кучаков Р. К., Серебренников Д. Е. Что такое жертва? Концептуализация виктимизации в опросах // Современная российская девиантология: коллективная монография / Под ред. Я. И. Гилинского, К. В. Харабета. СПб.: Алетей, 2026.

85. Кучаков Р. К., Серебренников Д. Е. Что такое жертва? Концептуализация виктимизации в опросах. DOI: 10.31235/osf.io/k8yz7_v1. URL: https://osf.io/preprints/socarxiv/k8yz7_v1 (дата обращения: 25.08.2025).

86. Knorre A., Titaev K., Serebrennikov D. Russian Crime Victimization Survey 2021. Harvard Dataverse, 2022. DOI: 10.7910/DVN/SGRQTI.

87. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D. Russian Crime Victimization Survey 2024. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/WMO7Y2.

88. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D., Titaev K. Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections 2018, 2021, 2024, and Panel 2021–2024. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/ISMDV5.

89. Groves R. Nonresponse Rates and Nonresponse Bias in Household Surveys // *Public Opinion Quarterly*. 2006, vol. 70, № 5. P. 646–675. DOI: 10.1093/poq/nfl033.

90. Groves R., Couper M. Nonresponse in Household Interview Surveys. New York: Wiley, 1998. 356 p. DOI: 10.1002/9781118490082.

91. Brick J. M. Unit Nonresponse and Weighting Adjustments: A Critical Review // *Journal of Official Statistics*. 2013, vol. 29, № 3. P. 329–353. DOI: 10.2478/jos-2013-0026.

92. Rubin D. Inference and Missing Data // *Biometrika*. 1976, vol. 63, № 3. P. 581–592. DOI: 10.1093/biomet/63.3.581.

93. Little R. Missing Data Analysis // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2024, vol. 20, № 1. P. 149–173. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-080822-051727.

94. Bollen K. A., Biemer P. P., Karr A. F., Tueller S., Berzofsky M. E. Are Survey Weights Needed? A Review of Diagnostic Tests in Regression Analysis // *Annual Review of Statistics and Its Application*. 2016, vol. 3, № 1. P. 375–392. DOI: 10.1146/annurev-statistics-011516-012958.

95. Kish L. Survey Sampling. New York: John Wiley & Sons, 1965. 643 p. ISBN 978-0-471-48900-9.

96. Valliant R., Dever J. A., Kreuter F. Practical Tools for Designing and Weighting Survey Samples. 2nd ed. Cham: Springer, 2018. 776 p. ISBN 978-3-319-93631-4. DOI: 10.1007/978-3-319-93632-1.

97. Чуриков А. В. Основы построения выборки для социологических исследований. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2020. 240 с. ISBN 978-5-93947-034-6.

98. Horvitz D. G., Thompson D. J. A Generalization of Sampling Without Replacement from a Finite Universe // *Journal of the American Statistical Association*. 1952, vol. 47, № 260. P. 663–685. DOI: 10.1080/01621459.1952.10483446.

99. Little R., Rubin D. Statistical Analysis with Missing Data. 3rd ed. Hoboken: Wiley, 2019. 462 p. ISBN 978-0-470-52679-8. DOI: 10.1002/9781119482260.

100. Dutwin D., Buskirk T. D. Telephone Sample Surveys: Dearly Beloved or Nearly Departed? Trends in Survey Errors in the Era of Declining Response Rates // *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2021, vol. 9, № 3. P. 353–380. DOI: 10.1093/jssam/snz044.

101. Little R., Vartivarian S. Does Weighting for Nonresponse Increase the Variance of Survey Means? // *Survey Methodology*. 2005, vol. 31, № 2. P. 161–168.

102. Kreuter F., Olson K., Wagner J., Yan T., Ezzati-Rice T. M., Casas-Cordero C., Lemay M., Peytchev A., Groves R., Raghunathan T. E. Using Proxy Measures and

Other Correlates of Survey Outcomes to Adjust for Non-Response: Examples from Multiple Surveys // *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*. 2010, vol. 173, № 2. P. 389–407. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2009.00621.x.

103. *Little R.* Discussion // *Journal of Official Statistics*. 2013, vol. 29, № 3. P. 363–366. DOI: 10.2478/jos-2013-0029.

104. *Van Buuren S.* Flexible Imputation of Missing Data. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press, 2018. 415 p. ISBN 978-1-138-58831-8. DOI: 10.1201/9780429492259.

105. *Heymans M., Eekhout I.* Applied Missing Data Analysis. Amsterdam, The Netherlands: Heymans and Eekhout. 2019.

106. *Seaman S. R., White I. R., Copas A. J., Li L.* Combining Multiple Imputation and Inverse-Probability Weighting // *Biometrics*. 2012, vol. 68, № 1. P. 129–137. DOI: 10.1111/j.1541-0420.2011.01666.x.

107. *Mitra R., Reiter J. P.* A Comparison of Two Methods of Estimating Propensity Scores after Multiple Imputation // *Statistical Methods in Medical Research*. 2016, vol. 25, № 1. P. 188–204. DOI: 10.1177/0962280212445945.

108. *Pishgar F., Greifer N., Leyrat C., Stuart E.* MatchThem: Matching and Weighting after Multiple Imputation // *The R Journal*. 2021, vol. 13, № 2. P. 228–238. DOI: 10.32614/RJ-2021-073.

109. *Heckman J.* The Common Structure of Statistical Models of Truncation, Sample Selection and Limited Dependent Variables and a Simple Estimator for Such Models // *Annals of Economic and Social Measurement*. 1976, vol. 5, № 4. P. 475–492.

110. *Heckman J.* Sample Selection Bias as a Specification Error // *Econometrica*. 1979, vol. 47, № 1. P. 153–161. DOI: 10.2307/1912352.

111. *Rosenbaum P. R., Rubin D. B.* The Central Role of the Propensity Score in Observational Studies for Causal Effects // *Biometrika*. 1983, vol. 70, № 1. P. 41–55. DOI: 10.1093/biomet/70.1.41.

112. *Austin P. C.* An Introduction to Propensity Score Methods for Reducing the Effects of Confounding in Observational Studies // *Multivariate Behavioral Research*. 2011, vol. 46, № 3. P. 399–424. DOI: 10.1080/00273171.2011.568786.

113. *Chesnaye N. C., Stel V., Tripepi G., Dekker F., Fu E., Zoccali C., Jager K.* An Introduction to Inverse Probability of Treatment Weighting in Observational Research // *Clinical Kidney Journal*. 2022, vol. 15, № 1. P. 14–20. DOI: 10.1093/cjkj/sfab158.

114. *Guo S., Fraser M.* Propensity Score Analysis: Statistical Methods and Applications. Los Angeles: Sage, 2010. 370 p. ISBN 978-1-4129-5356-6.

115. *Gelman A.* Struggles with Survey Weighting and Regression Modeling // *Statistical Science*. 2007, vol. 22, № 2. P. 153–164. DOI: 10.1214/088342306000000691.

116. *Ahmad Z., Zhang L.* Nonparametric Estimation for Longitudinal Data with Informative Missingness // *Advances in Longitudinal Survey Methodology* / Ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021. P. 491–512. DOI: 10.1002/9781119376965.ch20.

117. *Kolenikov S.* Post-Stratification or a Non-Response Adjustment? // *Survey Practice*. 2016, vol. 9, № 3. P. 1–12. DOI: 10.29115/SP-2016-0014.

118. Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам (6-я волна). Технический отчет. 2025. 59 с. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/174711/inf.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

119. *Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics 1995* // *International Household Survey Network (IHSN)*: [site]. 28 October 2014. URL: <https://catalog.ihsn.org/catalog/6193> (дата обращения: 25.08.2025).

120. *Battaglia M. P., Hoaglin D. C., Frankel M. R.* Practical Considerations in Raking Survey Data // *Survey Practice*. 2009, vol. 2, № 5. P. 1–10. DOI: 10.29115/SP-2009-0019.

121. *Kolenikov S.* Calibrating Survey Data Using Iterative Proportional Fitting (Raking) // *The Stata Journal*. 2014, vol. 14, № 1. P. 22–59. DOI: 10.1177/1536867X1401400104.

122. Autumn: Fast, Modern, and Tidy Raking // GitHub: [site]. URL: <https://github.com/aaronrudkin/autumn> (дата обращения: 25.08.2025).

123. Survey: Analysis of Complex Survey Samples // Cran.R: [site]. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/survey/index.html> (дата обращения: 25.08.2025).

124. PracTools: Designing and Weighting Survey Samples // Cran.R: [site]. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/PracTools/index.html> (дата обращения: 25.08.2025).

125. *Lumley T.* Complex Surveys: A Guide to Analysis Using R. Hoboken: Wiley, 2010. 296 p. ISBN 978-0-470-28430-8. DOI: 10.1002/9780470580066.

126. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 25.08.2025).

127. Итоги всероссийской переписи населения 2020 года. Том 3 Образование // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ): [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 25.08.2025).

128. Выборы Президента Российской Федерации 17 марта 2024 года. Сводная таблица // Вестник центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2024, № 7(467). URL: [http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/tablica-№7-\(467\)-2024.pdf](http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/tablica-№7-(467)-2024.pdf) (дата обращения: 25.08.2025).

129. *Russian Crime Victimization Survey (RCVS)* // GitHub: [site]. URL: <https://github.com/irlcode/RCVS> (дата обращения: 25.08.2025).

130. Приказ Росстата от 03.06.2010 № 209 «Об утверждении Методологических указаний по оценке общей численности населения» (дата обращения: 25.08.2025).

131. Андреев Е. М., Чурилова Е. В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023, т. 10, № 3. С. 4–20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967. EDN: XYSZBL.
132. Чудиновских О. С. К вопросу о возможности изучения миграции по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г. // Демографическое обозрение. 2025, т. 12, № 2. С. 4–34. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27489. EDN: OJBYPZ.
133. Прокофьева Л. М., Корчагина И. И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2023, т. 10, № 2. С. 4–17. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17763. EDN: TDYEBV.
134. Gallardo-Gómez D., Richardson R., Dwan K. Standardized Mean Differences in Meta-analysis: A Tutorial // *Cochrane Evidence Synthesis and Methods*. 2024, vol. 2, № 3. P. e12047. DOI: 10.1002/cesm.12047.
135. Austin P. C. Using the Standardized Difference to Compare the Prevalence of a Binary Variable Between Two Groups in Observational Research // *Communications in Statistics — Simulation and Computation*. 2009, vol. 38, № 6. P. 1228–1234. DOI: 10.1080/03610910902859574.
136. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013 // *International Journal of Epidemiology*. 2016, vol. 45, № 2. P. 395–401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.
137. Deng Y., Hillygus D. S., Reiter J. P., Si Y., Zheng S. Handling Attrition in Longitudinal Studies: The Case for Refreshment Samples // *Statistical Science*. 2013, vol. 28, № 2. P. 238–256. DOI: 10.1214/13-STS414.
138. Watson N., Wooden M. Identifying Factors Affecting Longitudinal Survey Response // *Methodology of Longitudinal Surveys* / Ed. by P. Lynn. Chichester: Wiley, 2009. P. 157–181. DOI: 10.1002/9780470743874.ch10.
139. Lugtig P. Panel Attrition: Separating Stayers, Fast Attriters, Gradual Attriters, and Lurkers // *Sociological Methods & Research*. 2014, vol. 43, № 4. P. 699–723. DOI: 10.1177/0049124113520305.
140. Peracchi F. The European Community Household Panel: A Review // *Empirical Economics*. 2002, vol. 27, № 1. P. 63–90. DOI: 10.1007/s181-002-8359-0.
141. Nicoletti C., Peracchi F. Survey Response and Survey Characteristics: Microlevel Evidence from the European Community Household Panel // *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*. 2005, vol. 168, № 4. P. 763–781. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2005.00369.x.

142. *Watson N.* Longitudinal and Cross-sectional Weighting Methodology for the HILDA Survey. 2012. 58 p.

143. *West B. T., Blom A. G.* Explaining Interviewer Effects: A Research Synthesis // *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2017, vol. 5, № 2. P. 175–211. DOI: 10.1093/jssam/smw024.

144. *Рогозин Д.* Влияние интервьюера на доступность респондентов в телефонном опросе // *Социологический журнал*. 2004, № 1–2. С. 75–105.

145. *Bärnighausen T., Bor J., Wandira-Kazibwe S., Canning D.* Correcting HIV Prevalence Estimates for Survey Nonparticipation Using Heckman-type Selection Models // *Epidemiology*. 2011, vol. 22, № 1. P. 27–35. DOI: 10.1097/EDE.0b013e3181ffa201.

146. *Соколов Б. О., Корсунова В. И.* Социально-демографические корреляты истощения выборки в лонгитюдных онлайн-опросах в России: данные четырех волн проекта «Ценности в кризисе» // *Социологические исследования*. 2025, № 9. С. 34–48. DOI: 10.7868/S3034601025090046.

147. *Values in Crisis International (SUF edition)* // AUSSDA: [site]. DOI: 10.11587/LIHK1L. URL: <https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L> (дата обращения: 25.10.2025).

148. *Kühne S., Kroh M.* Interviewer Effects in Panel Surveys // *Advances in Longitudinal Survey Methodology* / Ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021. P. 302–336. DOI: 10.1002/9781119376965.ch13.

149. *Watson N.* Evaluation of Weighting Methods to Integrate a Top-up Sample with an Ongoing Longitudinal Sample // *Survey Research Methods*. 2014, vol. 8, № 3. P. 195–208. DOI: 10.18148/srm/2014.v8i3.5818.

150. *Watson N., Lynn P.* Refreshment Sampling for Longitudinal Surveys // *Advances in Longitudinal Survey Methodology* / Ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021. P. 1–25. DOI: 10.1002/9781119376965.ch1.

151. *Verbeek M.* Pseudo-Panels and Repeated Cross-Sections // *The Econometrics of Panel Data* / Ed. by L. Mátyás, P. Sevestre. Berlin: Springer, 2008, vol. 46. P. 369–383. DOI: 10.1007/978-3-540-75892-1_11.

152. *Hirano K., Imbens G. W., Ridder G., Rubin D. B.* Combining Panel Data Sets with Attrition and Refreshment Samples // *Econometrica*. 2001, vol. 69, № 6. P. 1645–1659. DOI: 10.1111/1468-0262.00260.

153. *Sakshaug J. W., Struminskaya B.* Augmenting Surveys with Paradata, Administrative Data, and Contextual Data // *Public Opinion Quarterly*. 2023, vol. 87, № S1. P. 475–479. DOI: 10.1093/poq/nfad026.

Сведения об авторах:

Кучаков Руслан Камилович

Директор Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге
SPIN-код: 9012-9426

Серебренников Дмитрий Евгеньевич

Научный сотрудник Института проблем правоприменения,
Европейский университет в Санкт-Петербурге;
ведущий научный сотрудник Kazakhstan Sociology Lab,
Корпоративный Фонд «Фонд El Umiti»

Бобриков Дмитрий Дмитриевич

Исследователь Института проблем правоприменения,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Бондарьков Сергей Владимирович

Исследователь Института проблем правоприменения,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Бочаров Тимур Юрьевич

PhD, научный сотрудник Института проблем правоприменения,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Гегельман Арина Сергеевна

Исследователь Института проблем правоприменения,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Дмитриева Арина

PhD, научный сотрудник Хагенского заочного университета

Кнорре Алексей Викторович

PhD, младший профессор департамента криминологии
университета Южной Флориды

Кудрявцев Владимир Евгеньевич

Аспирант университета штата Флорида; ассоциированный научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Леденев Виктор Владимирович

Исследователь Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Османов Тимур Энварович

Приглашенный преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Скугаревский Дмитрий Анатольевич

PhD, ассоциированный профессор по эмпирико-правовым исследованиям им. С.А. Муромцева Европейского университета в Санкт-Петербурге

Ходжаева Екатерина Анисовна

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге; приглашенный исследователь Института социально-политических исследований, Университет Париж-Нантерр

Статья поступила в редакцию: 27.03.2026 г.

Статья принята к публикации: 24.09.2026 г.

Приложение 1

Таблица ПП
НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА БОРЬБУ С ТЕЛЕФОННЫМ И
ОНЛАЙН-МОШЕННИЧЕСТВОМ, И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СБОРА ДАННЫХ
ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕФОННОГО ОПРОСА

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрывтие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 519-ФЗ от 30.12.2020 (поправки в 152-ФЗ «О персональных данных»)	1 марта 2021	Введена категория «ПДн, разрешенные субъектом для распространения»: использование общедоступных данных требует отдельного согласия, что сужает легальные источники номеров для выборки по готовым базам. При использовании «чистого» RDD риски ограничены наличием правового основания для обработки телефонных номеров и параданых. Однако применение смешанной выборки или использование уже сформированных баз данных создает правовую неопределенность.	Кош-центр	Да	Да	Нет	Нет

Продолжение табл. П1

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на CATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрывие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Само-отбор (MNAR)
Федеральный закон № 319-ФЗ от 02.07.2021; ПП № 1978 от 03.11.2022	2021–2022 (постатно)	Создал базовую правовую инфраструктуру государственного антифрода: массовые исходящие вызовы чаще попадают под автоматический анализ, что повышает вероятность их блокировки или маркировки и снижает уровень достижимости респондента.	Оператор / Колл-центр	Нет	Нет	Да	Нет
Федеральный закон № 266-ФЗ от 14.07.2022 (поправки в 152-ФЗ)	1 сентября 2022	Расширены обязанности операторов ПДн (уведомление Роскомнадзора, защита данных). Эффект — рост издержек на хранение и обработку номеров и сокращение привлечения внешних подрядчиков.	Оператор / Колл-центр	Да	Нет	Нет	Нет
Федеральный закон № 266-ФЗ от 14.07.2022 (трансграничная передача данных)	1 марта 2023	Новый порядок трансграничной передачи ПДн ограничивает использование зарубежных обменов, CRM и международных исследовательских платформ, повышая операционные издержки локализации.	Колл-центр (как оператор ПДн)	Да	Нет	Нет	Нет

Продолжение табл. III

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на SATI/RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрывтие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 75-ФЗ от 18.03.2023	1 сентября 2023	Усилены требования к хранению и мониторингу данных о сетевом взаимодействии и работе инфраструктуры. Это повышает риск дополнительной фильтрации исходящего трафика при использовании VoIP/виртуальных номеров.	Оператор / Колл-центр	Нет	Нет	Да	Нет
Федеральный закон № 406-ФЗ от 31.07.2023	2023–2024 (поэтапно)	Расширил интеграцию операторов с государственными системами контроля цифровых коммуникаций (часть антифрод-инфраструктуры), что повышает вероятность фильтрации или маркировки исходящих кампаний, особенно при VoIP/виртуальных номерах.	Оператор / Колл-центр	Нет	Нет	Да	Нет
Федеральный закон № 78-ФЗ от 06.04.2024	17 апреля 2024	Изменения в ст. 3.5 и 14.3 КоАП: повышены штрафы за рекламу по сегмам электросвязи без согласия, для юрлиц до 1 млн руб.	Колл-центр	Да	Нет	Да	Нет

Продолжение табл. ПП

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на САП/ RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрываемость (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 («Антифрод 1.0»)	1 июня 2025 (основная часть)	Зонтичная реформа противодействия телефонному мошенничеству (вводит ст. 44.1-1 в 126-ФЗ «О связи»); ГИС, согласие на массовые вызовы, маркировка вызовов, самозапрет на договоры связи, запрет передачи SIM и иностранных мессенджеров для ряда субъектов. Разнонаправленные механизмы разнесены по подпунктам ниже.	Оператор / Колл-центр / Абонент	Да	Да	Да	Да
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 (ст. 44.1-1 закона «О связи»)	1 сентября 2025	Регулирование массовых и автоматических вызовов: запрет без предварительного согласия абонента. Если научный обзор квалифицируется как «массовый вызов», требование согласия изымает часть фрейма выборки RDD. Правовая неопределенность: режим 126-ФЗ охватывает и нерекламные цели.	Колл-центр / Абонент	Нет	Да	Да	Нет

Продолжение табл. III

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на САТИ/ RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрытие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Самоотбор (MNAR)
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 (право отказа от массовых вызовов)	1 сентября 2025	Абонент получает право отказаться от массовых вызовов через оператора.	Абонент	Нет	Нет	Да	Да
Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.04.2025 (маркировка вызовов организаций); ИПП № 1300 от 28.08.2025	1 сентября 2025; поэтапно: 1 апреля / 1 июля / 1 ноября 2025	На оборудование абонента передается информация об организации, инициирующей вызов; Обязательная маркировка звонков юрлиц/ИП: на экран передаются наименование (≤ 32 симв.) и категория вызова по основному ОКВЭД (38 категорий), только в сетях мобильной связи.	Оператор / Колл-центр / Абонент	Да	Нет	Да	Да
Федеральный закон № 281-ФЗ от 31.07.2025	1 сентября 2025 (частично с 1 марта 2026)	Изменения в КоАП: новая ст. 13.29.1 (ответственность за передачу абонентского номера), ужесточение ответственности в сфере связи и информации (VPN, запрещённые ресурсы).	Колл-центр	Да	Нет	Нет	Нет

Продолжение табл. III

НПА	Дата вступления в силу	Суть акта и эффект на САП/ RDD	Уровень воздействия	Цена интервью (N)	Покрывтие (coverage and sampling error)	Достижимость (RR, COOP)	Само-отбор (MNAR)
Федеральный закон № 303-ФЗ от 08.08.2024 (поправки в 126-ФЗ «О связи»)	постатпно: 1 апр. / 1 июл. / 1 ноя. 2025	Лимит SIM (≤ 10 для граждан РФ, ≤ 10 для иностранцев), ГИС контроля SIM (КСИМ), обязательная верификация абонентов через ЕСИА/ЕБС, самозапрет на договоры связи через Госуслуги, корпоративные SIM только для трудникам. Очистка и верификация номерного пространства меняют выборочный фрейм RDD (какие номера существуют и валидны), а самозапрет добавляет механизм самонисключения.	Оператор / Абонент	Нет	Да	Да	Да
Ограничение вызовов/ сообщений через иностранные мессенджеры (Минцифры/ РКН, 2025)	с авг. 2025 (постатпно)	Ограничение голосовых вызовов и части сообщений через иностранные мессенджеры (WhatsApp, Telegram), запрет для ряда субъектов общаться с гражданами через них (в связи с 41-ФЗ).	Оператор / Абонент	Нет	Нет	Да	Нет

Прим.: ПДн — Персональные данные. ГИС — Государственная информационная система. КоАП — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. VoIP (Voice over Internet Protocol) — технология передачи голоса и видео через интернет. CRM (Customer Relationship Management) — Система управления взаимоотношениями с клиентами. ОКВЭД — Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. ЕСИА — Единая система идентификации и аутентификации. ЕБС — Единая биометрическая система. РКН — Роскомнадзор.

Таблица П2

ДЕКОМПОЗИЦИЯ ДИЗАЙН-ЭФФЕКТА ВЫБОРКИ				
Год	$def_{w_{it}, 2021}^{kish}$	$def_{c(t)}^{kish}$	$def_{r(t)}^{kish}$	$def_{w_i(t)}^{kish}$
2021	1,675	1	1	1,675
2024	1,675	1,211	1,045	2,178

В Табл. П2 представлена декомпозиция дизайн эффекта сбалансированной панели для обеих волн лонгитюда. В первой колонке указан эффект на структуру выборки использования кросс-секционного веса базовой волны. Во второй — веса вероятности контакта с респондентом. В третьей — веса вероятности повторного участия респондента в опросе. В последней колонке указан эффект дизайна выборки при использовании произведения всех трех весов.

Таблица П3
КЛЮЧЕВЫЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЛЯ КОНТРОЛЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЗВЕШИВАНИЯ

Год	Мужчина		Высшее образование		Жертва, 5 лет	
	Выборка	С весом	SMD	Выборка	С весом	SMD
2021	0,49	0,456	0,069	0,519	0,379	0,284
2024	0,491	0,438	0,107	0,534	0,354	0,369
					0,157	0,164
						0,023
						-0,02

В Табл. П3 по аналогии с метриками кросс-секционной выборки представлено несколько ключевых распределений, по которым мы отслеживали масштаб коррекции.

VICTIMIZATION IN RUSSIA. SURVEY METHODOLOGY

Kuchakov Ruslan K.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
rkuchakov@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0001-5757-410X

Serebrennikov Dmitrii E.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg;
Kazakhstan Sociology Lab, Corporate Foundation «El Umiti» Foundation»
Astana, Kazakhstan
serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-2574-3842

Bobrikov Dmitrii D.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
d.bobrikov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0005-7403-3213

Bondarkov Sergey V.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Moscow, Russia
sbondarkov@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0003-0714-6208

Bocharov Timur Yu.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
tbocharov@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0001-8208-6076

Gegelman Arina S.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
a.gegelman@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0007-0405-7273

Dzmitryieva Aryna

University of Hagen,
Hagen, Germany
aryna.dzmitryieva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4548-0015

Knorre Alex V.

University of South Florida,
Tampa, USA
aknorre@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-5079-9573

Kudryavtsev Vladimir E.

Florida State University; The Institute for the Rule of Law, European
University at Saint-Petersburg,
Tallahassee, USA
vkudryavtsev@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6509-9094

Ledenev Victor V.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg,
Saint Petersburg, Russia
vledenev@eu.spb.ru
ORCID: 0009-0008-4639-0071

Osmanov Timur En.

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
osmanovtim@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4065-5787

Skougarevskiy Dmitriy A.

European University at Saint-Petersburg,

Saint Petersburg, Russia

dskougarevskiy@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-4022-6210

Khodzhaeva Ekaterina A.

The Institute for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg;

Institute of Socio-Political Research, Paris Nanterre University,

Nanterre, France

ekaterina.khodzhaeva@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4614-1733

For citation: Kuchakov R.K., Serebrennikov D.E., Bobrikov D.D., Bondarkov S.V., Bocharov T.Yu., Gegelman A.S., Dzmitryieva A., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Ledenev V.V., Osmanov T.En., Skougarevskiy D.A., Khodzhaeva E.A. Victimization in Russia. Survey methodology, *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 3(64), p. 110-219. DOI: 10.19181/4m.2026.35.3.4.

Abstract: The paper presents the methodological changes implemented in the RCVS (Russian Crime Victimization Survey), the first regular survey of this kind in the country. We introduced these changes to improve the representativeness and overall cross-comparability of the data. This is a triennial survey conducted between 2018 and 2024. The third wave included 14,779 respondents, 3,456 of whom were part of the panel already surveyed in the previous wave. The paper provides a comprehensive overview of unit nonresponse and its mitigation strategies. We also describe the procedure of inverse probability weighting (IPW) for the cross-sectional data using raking. For the longitudinal part of the survey, we use metadata on interviewers and call dates to construct the weights. This procedure allows us to decompose sample shift into two components—inability to contact the respondent and refusal to participate—in accordance with total survey error theory. The paper also systematizes previous attempts to organize similar surveys in the country, as well as our use of computer-assisted telephone interviewing in conducting the RCVS.

Keywords: RCVS, victim survey, CATI, total survey error, TSE, sample bias, inverse probability weighting, IPW, post-stratification, raking.

Acknowledgments: The authors thank Kirill Titaev for his contribution to the study design and the organization of the first two waves of the RCVS, as well as Denis Savelyev and the entire team at the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg for their engagement in discussing the study results.

References

1. Gilinsky Ya.I. *Deviantology: Sociology of Crime, Drug Abuse, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Abuse, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"] (in Russian). St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2004. 520 p. ISBN 5-94201-320-9.
2. Beck A., Robertson A. Crime in Russia: Exploring the Link, *between Victimization and Concern about Crime, Crime Prevention and Community Safety*, 2003, vol. 5, no. 1, p. 27–46. DOI: 10.1057/palgrave.cpcs.8140137.
3. Zvarigin V.E., Steh E.E. The true sizes of latent criminality always remain not known. Latent criminality and actual victimisation of the population in the udmurt republic. (by results of carried out(spent) in 2007 kriminologic of research) (in Russian), *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2008, no. 1, p. 121–125.
4. Inshakov S.M. Latent Crime as an Object of Research (in Russian), *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2009, vol. 16, no. 1, p. 107–130.
5. Semukhina O. Unreported Crimes, Public Dissatisfaction of Police, and Observed Police Misconduct in the Volgograd Region, Russia: A Research Note, *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2014, vol. 38, no. 4, p. 305–325. DOI: 10.1080/07418820600985339.
6. Mayorov A.V. Analysis of modern society victimization (on the example of Ural federal district) (in Russian), *Victimology*, 2015, vol. 4, no. 2, p. 59–69.
7. Glukhova A.A., Iudin A.A., Shpilev D.A. Experience of measuring the level of victimization of the population of Nizhny Novgorod region (in

- Russian), *Russian Journal of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 3, p. 175–186. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.3.175-186.
8. Dolgorukova I. V., Kirillov A. V., Mazaev Y. N., Tanatova D. K., Yudina T. N. The Dynamics of Victimization of the Russian Population: A Sociological Evaluation, *RUDN Journal of Sociology*, 2018, vol. 18, no. 2, p. 303–317. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-303-317.
 9. Vzaimootnosheniya politsii i grazhdan: issledovanie FOM po zakazu MVD Kriminal'nye ugrozy, opaseniya rossiyan i ih kontakty s organami vnutrennih del [Police-citizen relations: a FOM study commissioned by the Ministry of Internal Affairs—criminal threats, Russians' concerns, and their interactions with law enforcement agencies] (in Russian), *Public Opinion Foundation* [site]. 07.11.2013. URL: <https://fom.ru/posts/11180> (date of access: 25.08.2025).
 10. Verkeev A.M., Volkov V.V., Dzmitryieva A.V., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Kuznetsova D.A., Kuchakov R.K., Titaev K.D., Khodzhaeva E.A. How to study victims of a crime? (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, vol. 150, no. 2, p. 4–31. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01.
 11. Zhmurov D.V., Korobeev A.I., Protasevich A.A. Cyber victimology. The first national study (in Russian), *Russian Investigator*, 2022, no. 11, p. 49–59. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-11-49-59.
 12. Zhmurov D.V. Victimological characteristics of victims of cybercrime in Russia (in Russian), *Matters of Russian and International Law*, 2024, vol. 14, no. 4-1, p. 532–538.
 13. Kamalov E., Sergeeva I. *Partnerskoe nasilie v Rossii: rezul'taty serii oprosov* [Intimate partner violence in Russia: results of a series of surveys] (in Russian). 2023. URL: https://violencemonitor.org/report_2023 (date of access: 26.06.2026).
 14. Serebrennikov D., Titaev K. *Dynamics of crime and victimization in Russia 2018-2021* (in Russian). St. Petersburg: Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg, 2022. 34 p. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (date of access: 26.06.2026).
 15. Serebrennikov D.E., Kuchakov R.K., Bobrikov D.D., Bondarkov S.V., Bocharov T.Yu., Gegelman A.S., Dmitrieva A., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Ledenev V.V., Osmanov T.E., Skugarevsky D.A., Khodzhaeva E.A. Viktimizaciya v Rossii: dolgosrochnye trendy

- prestupnosti [Victimization in Russia: Long-term Crime Trends] (in Russian), *Journal of Economic Sociology*, 2026, vol. 28, no. 4. (Accepted for publication).
16. Gurvich I.N. Viktimizaciya kak faktor izmeneniya pravosoznaniya grazhdan [Victimization as a factor in the changing legal consciousness of citizens] (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1999, no. 1, p. 142–143.
 17. *National Crime Victimization Survey* [site]. URL: <https://bjs.ojp.gov/data-collection/ncvs> (date of access: 25.08.2025).
 18. Van Kesteren J., Van Dijk J., Mayhew P. The International Crime Victims Surveys: A Retrospective, *International Review of Victimology*, 2014, vol. 20, no. 1, p. 49–69. DOI: 10.1177/0269758013511742.
 19. Van Kesteren J., Van Dijk J. *The International Crime Victims Survey, 1989–2005. ICPSR — Interuniversity Consortium for Political and Social Research*, 2015. URL: <https://www.openicpsr.org/openicpsr/project/100095/version/V2/view> (date of access: 26.06.2026).
 20. *Crime and Crime Prevention in Moscow*, ed. by M. Alexeyeva, A. Patrignani. Rome: United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI), 1994. 176 p. ISBN 978-9290780274.
 21. European Social Survey, ESS. Russian Federation (in Russian), *ESS Data portal* [site]. URL: <https://ess.sikt.no/en/country/321b06ad-1b98-4b7d-93ad-ca8a24e8788a/ru> (date of access: 04.09.2026).
 22. *Rossiya v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo proekta “Evropejskoe social’noe issledovanie”* [Russia in Europe: Based on Data from the International Project “European Social Survey”] (in Russian), ed. by A.V. Andreenkov, L.A. Belyaev. Moscow: Academia, 2009. 383 p. ISBN 978-5-87444-344-3.
 23. Andreenkova A.V. *Sravnitel’nye mezhsranovye issledovaniya v social’nyh naukah: teoriya, metodologiya, praktika* [Comparative Cross-National Research in the Social Sciences: Theory, Methodology, Practice] (in Russian). Moscow: Novyj hronograf, 2014. 512 p. ISBN 978-5-94881-285-4.
 24. Shchepelkov V.F., Prjakhina N.I., Suslina E.V. Domestic violence in russia: a criminological analysis of its current state (based on an all-Russian public opinion poll) (in Russian), *Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no 5, p. 473–483. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(5).473-483.

25. Savin S.D., Shchepelkov V.F., Sidorova A.N. Domestic violence as a social problem in the Russian society: between privacy and publicity (in Russian), *RUDN Journal of Sociology*, 2025, vol. 25, no. 1, p. 64–78. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78.
26. Prestupnost' v Rossii [Crime in Russia] (in Russian), *Public Opinion Foundation* [site]. 23 March 2023. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14851> (date of access: 03.05.2026).
27. Telefonnye moshenniki [Telephone scammers] (in Russian), *Public Opinion Foundation* [site]. 27 May 2025. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/15190> (date of access: 03.05.2026).
28. Postradavshie ot prestuplenij: v nadezhde na spravedlivost' [Crime victims: hoping for justice] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 22 February 2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost-> (date of access: 03.05.2026).
29. Telefonnoe moshennichestvo: masshtaby i poteri [Telephone fraud: scale and losses] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 7 July 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-masshtaby-i-poteri> (date of access: 03.05.2026).
30. Telefonnoe moshennichestvo: monitoring [Telephone fraud: monitoring] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 20 February 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (date of access: 03.05.2026).
31. Pokupki v internete: doverie protiv moshennichestva monitoring [Online shopping: trust vs. fraud monitoring] (in Russian), *All-Russian Public Opinion Research Center* [site]. 16 March 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-v-internete-doverie-protiv-moshennichestva> (date of access: 03.05.2026).
32. Domashnee nasilie [Domestic violence] (in Russian), *Levada-Center* [site]. 13 September 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/13/domashnee-nasilie/> (date of access: 03.05.2026).
33. Nasilie nad zhenshchinami [Violence against women] (in Russian), *Levada-Center* [site]. 7 April 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/07/nasilie-nad-zhenshchinami/> (date of access: 25.08.2025).

34. Seksual'nye domogatel'stva [Sexual harassment] (in Russian), *Levada-Center* [site]. 22 April 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/22/seksualnye-domogatelstva/> (date of access: 25.08.2025).
35. *Prilozhenie №2 k prikazu Rosstat'a ot 11.04.2024 № 149. Federal'noe statisticheskoe nablyudenie. Kompleksnoe nablyudenie uslovij zhizni naseleniya: individual'nyj voprosnik dlya lic v vozraste 15 let i bole* [Appendix No. 2 to Rosstat Order No. 149 dated April 11, 2024. Federal statistical survey. Comprehensive survey of population living conditions: individual questionnaire for persons aged 15 and older] (in Russian). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/files/02_ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ_ВОПРОСНИК.pdf (date of access: 25.08.2025).
36. Federal'nyestatisticheskienablyudeniyaposo social'no-demograficheskim problemam [Federal statistical surveys on socio-demographic issues] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (date of access: 25.08.2025).
37. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D. *Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections and a Longitudinal Panel, 2018–2024*. SSRN, 2026. DOI: 10.2139/ssrn.6418058.
38. *18-ya i 19-ya volny Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE: voprosy «j229–332»* [Waves 18 and 19 of the HSE Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE): questions “j229–332”] (in Russian). URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/27/1274110903/R19_ind_codebook_09.2024.pdf (date of access: 25.08.2025).
39. *34-ya volna Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE: voprosy «ddj606—ddj606.2»* [Wave 34 of the HSE Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE): questions “ddj606—ddj606.2”] (in Russian). URL: https://www.hse.ru/data/2026/09/01/247934934/R34_ind_codebook.pdf (date of access: 04.09.2026).
40. *Anketolog* [csite]. URL: <https://anketolog.ru> (date of access: 25.08.2025).
41. Rogozin D.M. «Darkanswer» factories or four negative features of modern opt-in online panels (in Russian), *Sociology of Power*, 2018, vol. 30, no. 3, p. 38–53. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-3-38-53.

42. Korsunova V., Sokolov B. Online Surveys in Nondemocratic Contexts: Evidence from Russia, *International Journal of Public Opinion Research*, 2025, vol. 37, no. 3, p. edaf030. DOI: 10.1093/ijpor/edaf030.
43. Shcherbakov R.A. Individual Cybersecurity Practices: Relationship with Socioeco-nomic Status and Risk Experience of Risk Exposure (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2026, no. 2, p. 216–235. DOI: 10.14515/monitoring.2026.2.3117.
44. Shcherbakov R.A. Cyber aggression and cybercrime in Russia: risk factors (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2025, vol. 10, no. 10, p. 39–51. DOI: 10.7868/S3034601025100043.
45. *Online Market Intelligence (OMI)* [site]. URL: <https://www.omirussia.ru> (date of access: 25.08.2025).
46. Guidelines for Producing Statistics on Violence against Women—Statistical Surveys, *United Nations*, 2014. 218 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/gender/docs/guidelines_statistics_vaw.pdf (date of access: 25.08.2025).
47. Kamalov E., Sergeeva I. What Works for Measuring Intimate Partner Violence: Evidence from a Series of List Experiments and Self-Administered Surveys, *Sociological Methods & Research*, 2026. DOI: 10.1177/00491241261436407.
48. Gilev A., Valastro T., Vyrskaia M., Zavadsкая M. *Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes (PROPA) Wave 5*. 2026. DOI: 10.48320/594738E2-79D8-4337-A60F-2B30A009715F.
49. PROPA – Panel Study of Russian Public Opinion and Attitudes, *University of Helsinki* [site]. URL: <https://blogs.helsinki.fi/propa-public-opinion/media-publications/> (date of access: 25.06.2026).
50. *Vserossijskij opros zhertv prestuplenij* [Nationwide survey of crime victims] (in Russian) [site]. URL: <https://rcvs.enforce.spb.ru> (date of access: 26.06.2026).
51. Russian Crime Victimization Survey (RCVS), *GitHub* [site]. URL: <https://github.com/irlcode/RCVS> (date of access: 26.06.2026).
52. Knorre A., Titaev K. *Crime and Victimization in Russia: The All-Russian Survey Results* (in Russian). St. Petersburg: Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg, 2018. URL: https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (date of access: 26.06.2026).

53. *Mezhdunarodnoe issledovanie obshchestvennoj bezopasnosti v Kyrgyzstane* [International Study on Public Safety in Kyrgyzstan] (in Russian). 2015. 98 p. URL: <https://reforma.kg/media/post/postpdf/2018-06-09-1934749430.pdf> (date of access: 25.08.2025).
54. Van Dijk J., van Kesteren J., Troshev A., Slade G. *Issledovanie «Ocenka urovnya bezopasnosti naseleniya i doveriya k pravoohranitel'nyim organam» (mezhdunarodnyj opros viktimizacii v Kazahstane)* [Study “Assessment of Public Safety Levels and Trust in Law Enforcement Agencies” (International Crime Victim Survey in Kazakhstan)] (in Russian). 2018. 66 p. ISBN 978-601-06-5338-2. URL: https://drive.google.com/file/d/1mSQ6nni9VnCRniekLuHeh1cLLff_PHS0/view (date of access: 25.08.2025).
55. *Rezul'taty viktimologicheskogo issledovaniya sredi naseleniya Ferganskoj doliny Respubliki Uzbekistan* [Results of a victimological study among the population of the Fergana Valley, Republic of Uzbekistan] (in Russian). 2023. 95 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1U2GulFXLEmB9_Vg65zeq1zubTBgoBFWf/view (date of access: 25.08.2025).
56. Van Dijk J., Chantulia T., Glonti G. *Victimization Survey Report. Support to the Security Sector Reform Programme Preparation, Funded by the European Union*. IBF International Consulting, July 2021. 75 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1NGsENibCE90RXj0_155zfErIKN05qLZ7/view (date of access: 26.06.2026).
57. Shahbazov I. *Victimization of the Azerbaijani Population: Combating Criminal and Illegal Activities through Engagement with Relevant Institutions*. Baku: Social Research Center, 2020. 24 p.
58. Shahbazov I., Afandiyev Z., Balayeva A. Some Determinants of Crime Reporting Among Economic and Financial Crime Victims: The Case of Azerbaijan, *Journal of White Collar and Corporate Crime*, 2023, vol. 4, no. 1, p. 24–37. DOI: 10.1177/2631309X211037922.
59. Cantor D. Methodological Developments and Innovations of the National Crime Victimization Survey, 1972–2023, *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2025, vol. 41, no. 1, p. 9–29. DOI: 10.1177/10439862241289783.
60. Kantar Public, Office for National Statistics Work Package A: Developing and Testing an Online Version of the CSEW Questionnaire, *Research on Transforming the Crime Survey for England and Wales*, 2022.

61. Hales J. *Longitudinal Analysis of Offending, Crime and Justice Survey 2003–06*. London: Home Office, 2009.
62. Van Der Velden P. G., Contino C., Das M. Data of the Multi-Wave Population-Based Prospective Victims in Modern Society (VICTIMS) Study on Potential Traumatic Events, Social Support, Mental Health, Coping Self-Efficacy and Services Use, *Data in Brief*, 2024, vol. 54, p. 110346. DOI: 10.1016/j.dib.2024.110346.
63. Victims in Modern Society, *LISS panel* [site]. URL: <https://www.dataarchive.lissdata.nl/study-units/view/945> (date of access: 25.08.2025).
64. Johnston D. W., Shields M. A., Suziedelyte A. Victimization, Well-being and Compensation: Using Panel Data to Estimate the Costs of Violent Crime, *Economic Journal*, 2018, vol. 128, no. 611, p. 1545–1569. DOI: 10.1111/ecoj.12478.
65. Braakmann N. How Do Individuals Deal with Victimization and Victimization Risk? Longitudinal Evidence from Mexico, *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2012, vol. 84, no. 1, p. 335–344. DOI: 10.1016/j.jebo.2012.04.001.
66. Aebi M., Linde A. “National Victimization Surveys”, in: *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*, ed. by G. Bruinsma, D. Weisburd. New York: Springer, 2014, p. 3228–3242. DOI: 10.1007/978-1-4614-5690-2_445.
67. Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M. Criminal Victimization and Health: Examining the Relation in Nine Countries of the Former Soviet Union, *Social Science & Medicine*, 2013, vol. 91, p. 76–83. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.05.004.
68. Osmanov T.E., Rogozin D.M. Optimal Ratio Between Cell and Landline Phones in Dual-Frame Telephone Survey (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2016, no. 5, p. 41–63. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.04.
69. Ezhednevnyj vsrossijskij opros «SPUTNIK». Pervyj v strane ezhednevnyj vsrossijskij telefonnyj omnibus [«SPUTNIK» daily all-Russian survey. The country’s first daily all-Russian telephone omnibus survey] (in Russian), *Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM)* [site]. URL: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik> (date of access: 25.08.2025).

70. Reestr rossijskoj sistemy i plana numeracii (vygruzka po sostoyaniyu na 29.11.2024) [Registry of the Russian numbering system and plan (data export as of 29 November 2024)] (in Russian), *Open Data Registry* [site]. URL: <https://opendata.digital.gov.ru/registry/numeric> (date of access: 25.08.2025).
71. CHislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2024 goda [Population of the Russian Federation by sex and age as of 1 January 2024] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (date of access: 25.08.2025).
72. *Report of the AAPOR Task Force on Transitions from Telephone Surveys to Self-Administered and Mixed-Mode Surveys*. October 2019. 327 p. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Report-of-the-Task-Force-on-Transitions-from-Telephone-Surveys-FULL-REPORT-FINAL.pdf> (date of access: 25.08.2025).
73. Jabkowski P., Cichocki P. Survey Response Rates in European Comparative Surveys: A 20-Year Decline Irrespective of Sampling Frames or Survey Modes, *Quality & Quantity*, 2025, vol. 59, no. S1, p. 635–655. DOI: 10.1007/s11135-024-01993-9.
74. *Report from the AAPOR task force on the Future of U.S. General Population Telephone Survey Research*. 2017. 74 p. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2022/11/Future-of-Telephone-Survey-Research-Report.pdf> (date of access: 25.08.2025).
75. Marken S. Still Listening: The State of Telephone Surveys, *Gallup* [site]. URL: <https://news.gallup.com/opinion/methodology/225143/listening-state-telephone-surveys.aspx> (date of access: 25.08.2025).
76. Response rates in telephone surveys have resumed their decline, *Pew Research Center* [site]. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/02/27/response-rates-in-telephone-surveys-have-resumed-their-decline/> (date of access: 25.08.2025).
77. *Doklady na VIII Grushinskoy sociologicheskoy konferencii, sekciya "Problema neotvetov v turboreal'nosti"* [Presentations at the 13th Grushin Sociological Conference, session "The Problem of Non-Response in Turbo-Reality"] (in Russian), 25 May 2023. URL: <https://conf.wciom.ru/materialy-konferencii/2023/section/section-24> (date of access: 25.08.2025).

78. *Sberbank PJSC: Empire of Lies. The Berdyansk Express: The Story of a Fraudulent Call Center — An Analytical Report* (in Russian). Moscow: Sberbank PJSC, 2022. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/library/investigations/berdyansk-vvedenie?ysclid=mqvjpnx4h8791305232> (date of access: 26.06.2026).
79. *Saturn* [site]. URL: <https://saturn.siisltd.ru/> (date of access: 25.08.2025).
80. *Standard Definitions. Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys*. 2023. 90 p. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2024/03/Standards-Definitions-10th-edition.pdf> (date of access: 25.08.2025).
81. Reiczigel J., Földi J., Ózsvári L. Exact Confidence Limits for Prevalence of a Disease with an Imperfect Diagnostic Test, *Epidemiology and Infection*, 2010, vol. 138, no. 11, p. 1674–1678. DOI: 10.1017/S0950268810000385.
82. Losenkova N.A., Galashova N.B. Issledovatel'skie kompetencii interv'yuera: vozmozhnosti i predely [Interviewer research competencies: possibilities and limits] (in Russian), *7th Grushin Sociological Conference*. URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2018/prez/7/Galashova_Losenkova.pdf (date of access: 25.08.2025).
83. Knorre A., Titaev K. *Russian Crime Victimization Survey 2018*. Harvard Dataverse, 2019. DOI: 10.7910/DVN/C2OTH9.
84. Kuchakov R.K., Serebrennikov D.E. “CHto takoe zhertva? Konceptualizaciya viktimizacii v oprosah [What Is a Victim? Conceptualizing Victimization in Surveys]” (in Russian), in: *Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: kollektivnaya monografiya* [Contemporary Russian Deviantology: A Collective Monograph], ed. by Ya.I. Gilinsky, K.V. Kharabet. St. Petersburg: Aleteja, 2026.
85. Kuchakov R.K., Serebrennikov D.E. *CHto takoe zhertva? Konceptualizaciya viktimizacii v oprosah* [What is a victim? Conceptualizing victimization in surveys] (in Russian). DOI: 10.31235/osf.io/k8yz7_v1. URL: https://osf.io/preprints/socarxiv/k8yz7_v1 (date of access: 25.08.2025).
86. Knorre A., Titaev K., Serebrennikov D. *Russian Crime Victimization Survey 2021*. Harvard Dataverse, 2022. DOI: 10.7910/DVN/SGRQTI.

87. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D. *Russian Crime Victimization Survey 2024*. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/WMO7Y2.
88. Kuchakov R., Serebrennikov D., Bobrikov D., Knorre A., Skougarevskiy D., Titaev K. *Russian Crime Victimization Survey: Pooled Cross-Sections 2018, 2021, 2024, and Panel 2021–2024*. Harvard Dataverse, 2026. DOI: 10.7910/DVN/ISMDV5.
89. Groves R. Nonresponse Rates and Nonresponse Bias in Household Surveys, *Public Opinion Quarterly*, 2006, vol. 70, no. 5, p. 646–675. DOI: 10.1093/poq/nfl033.
90. Groves R., Couper M. *Nonresponse in Household Interview Surveys*. New York: Wiley, 1998. 356 p. DOI: 10.1002/9781118490082.
91. Brick J. M. Unit Nonresponse and Weighting Adjustments: A Critical Review, *Journal of Official Statistics*, 2013, vol. 29, no. 3, p. 329–353. DOI: 10.2478/jos-2013-0026.
92. Rubin D. Inference and Missing Data, *Biometrika*, 1976, vol. 63, no. 3, p. 581–592. DOI: 10.1093/biomet/63.3.581.
93. Little R. Missing Data Analysis, *Annual Review of Clinical Psychology*, 2024, vol. 20, no. 1, p. 149–173. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-080822-051727.
94. Bollen K. A., Biemer P. P., Karr A. F., Tueller S., Berzofsky M. E. Are Survey Weights Needed? A Review of Diagnostic Tests in Regression Analysis, *Annual Review of Statistics and Its Application*, 2016, vol. 3, no. 1, p. 375–392. DOI: 10.1146/annurev-statistics-011516-012958.
95. Kish L. *Survey Sampling*. New York: John Wiley & Sons, 1965. 643 p. ISBN 978-0-471-48900-9.
96. Valliant R., Dever J. A., Kreuter F. *Practical Tools for Designing and Weighting Survey Samples*. 2nd ed. Cham: Springer, 2018. 776 p. ISBN 978-3-319-93631-4. DOI: 10.1007/978-3-319-93632-1.
97. Churikov A.V. *Osnovy postroeniya vyborki dlya sociologicheskikh issledovanij* [Fundamentals of Sampling Design for Sociological Research] (in Russian). Moscow: Public Opinion Foundation Institute, 2020. 240 p. ISBN 978-5-93947-034-6.
98. Horvitz D. G., Thompson D. J. A Generalization of Sampling Without Replacement from a Finite Universe, *Journal of the American Statistical Association*, 1952, vol. 47, no. 260, p. 663–685. DOI: 10.1080/01621459.1952.10483446.

99. Little R., Rubin D. *Statistical Analysis with Missing Data*. 3rd ed. Hoboken: Wiley, 2019. 462 p. ISBN 978-0-470-52679-8. DOI: 10.1002/9781119482260.
100. Dutwin D., Buskirk T. D. Telephone Sample Surveys: Dearly Beloved or Nearly Departed? Trends in Survey Errors in the Era of Declining Response Rates, *Journal of Survey Statistics and Methodology*, 2021, vol. 9, no. 3, p. 353–380. DOI: 10.1093/jssam/smz044.
101. Little R., Vartivarian S. Does Weighting for Nonresponse Increase the Variance of Survey Means? *Survey Methodology*, 2005, vol. 31, no. 2, p. 161–168.
102. Kreuter F., Olson K., Wagner J., Yan T., Ezzati-Rice T. M., Casas-Cordero C., Lemay M., Peytchev A., Groves R., Raghunathan T. E. Using Proxy Measures and Other Correlates of Survey Outcomes to Adjust for Non-Response: Examples from Multiple Surveys, *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*, 2010, vol. 173, no. 2, p. 389–407. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2009.00621.x.
103. Little R. Discussion, *Journal of Official Statistics*, 2013, vol. 29, no. 3, p. 363–366. DOI: 10.2478/jos-2013-0029.
104. Van Buuren S. *Flexible Imputation of Missing Data*. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press, 2018. 415 p. ISBN 978-1-138-58831-8. DOI: 10.1201/9780429492259.
105. Heymans M., Eekhout I. *Applied Missing Data Analysis*. Amsterdam, The Netherlands: Heymans and Eekhout. 2019.
106. Seaman S. R., White I. R., Copas A. J., Li L. Combining Multiple Imputation and Inverse-Probability Weighting, *Biometrics*, 2012, vol. 68, no. 1, p. 129–137. DOI: 10.1111/j.1541-0420.2011.01666.x.
107. Mitra R., Reiter J. P. A Comparison of Two Methods of Estimating Propensity Scores after Multiple Imputation, *Statistical Methods in Medical Research*, 2016, vol. 25, no. 1, p. 188–204. DOI: 10.1177/0962280212445945.
108. Pishgar F., Greifer N., Leyrat C., Stuart E. MatchThem: Matching and Weighting after Multiple Imputation, *The R Journal*, 2021, vol. 13, no. 2, p. 228–238. DOI: 10.32614/RJ-2021-073.
109. Heckman J. The Common Structure of Statistical Models of Truncation, Sample Selection and Limited Dependent Variables and a Simple Estimator for Such Models, *Annals of Economic and Social Measurement*, 1976, vol. 5, no. 4, p. 475–492.

110. Heckman J. Sample Selection Bias as a Specification Error, *Econometrica*, 1979, vol. 47, no. 1, p. 153–161. DOI: 10.2307/1912352.
111. Rosenbaum P. R., Rubin D. B. The Central Role of the Propensity Score in Observational Studies for Causal Effects, *Biometrika*, 1983, vol. 70, no. 1, p. 41–55. DOI: 10.1093/biomet/70.1.41.
112. Austin P. C. An Introduction to Propensity Score Methods for Reducing the Effects of Confounding in Observational Studies, *Multivariate Behavioral Research*, 2011, vol. 46, no. 3, p. 399–424. DOI: 10.1080/00273171.2011.568786.
113. Chesnaye N. C., Stel V., Tripepi G., Dekker F., Fu E., Zoccali C., Jager K. An Introduction to Inverse Probability of Treatment Weighting in Observational Research, *Clinical Kidney Journal*, 2022, vol. 15, no. 1, p. 14–20. DOI: 10.1093/ckj/sfab158.
114. Guo S., Fraser M. *Propensity Score Analysis: Statistical Methods and Applications*. Los Angeles: Sage, 2010. 370 p. ISBN 978-1-4129-5356-6.
115. Gelman A. Struggles with Survey Weighting and Regression Modeling, *Statistical Science*, 2007, vol. 22, no. 2, p. 153–164. DOI: 10.1214/088342306000000691.
116. Ahmad Z., Zhang L. “Nonparametric Estimation for Longitudinal Data with Informative Missingness”, in: *Advances in Longitudinal Survey Methodology*, ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021, p. 491–512. DOI: 10.1002/9781119376965.ch20.
117. Kolenikov S. Post-Stratification or a Non-Response Adjustment? *Survey Practice*, 2016, vol. 9, no. 3, p. 1–12. DOI: 10.29115/SP-2016-0014.
118. *Vserossijskoe obsledovanie domohozyajstv po potrebitel'skim finansam (6-ya volna). Tekhnicheskij otchet* [All-Russian Household Survey on Consumer Finances (6th Wave). Technical Report] (in Russian). 2025. 59 p. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/174711/inf.pdf> (date of access: 25.08.2025).
119. Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics 1995, *International Household Survey Network (IHSN)* [site]. 28 October 2014. URL: <https://catalog.ihsn.org/catalog/6193> (date of access: 25.08.2025).
120. Battaglia M. P., Hoaglin D. C., Frankel M. R. Practical Considerations in Raking Survey Data, *Survey Practice*, 2009, vol. 2, no. 5, p. 1–10. DOI: 10.29115/SP-2009-0019.

121. Kolenikov S. Calibrating Survey Data Using Iterative Proportional Fitting (Raking), *The Stata Journal*, 2014, vol. 14, no. 1, p. 22–59. DOI: 10.1177/1536867X1401400104.
122. Autumn: Fast, Modern, and Tidy Raking, *GitHub* [site]. URL: <https://github.com/aaronrudkin/autumn> (date of access: 25.08.2025).
123. Survey: Analysis of Complex Survey Samples, *Cran.R* [site]. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/survey/index.html> (date of access: 25.08.2025).
124. PracTools: Designing and Weighting Survey Samples, *Cran.R* [site]. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/PracTools/index.html> (date of access: 25.08.2025).
125. Lumley T. *Complex Surveys: A Guide to Analysis Using R*. Hoboken: Wiley, 2010. 296 p. ISBN 978-0-470-28430-8. DOI: 10.1002/9780470580066.
126. CHislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2024 goda [Population of the Russian Federation by sex and age as of 1 January 2024] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (date of access: 25.08.2025).
127. Itogi vserossijskoj perepisi naseleniya 2020 goda. Tom 3 Obrazovanie [Results of the 2020 All-Russian Population Census. Volume 3: Education] (in Russian), *Federal State Statistics Service* [site]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (date of access: 25.08.2025).
128. Vybery Prezidenta Rossijskoj Federacii 17 marta 2024 goda. Svodnaya tablica [Election of the President of the Russian Federation, March 17, 2024. Summary table.] (in Russian), *Vestnik central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii*, 2024, no. 7(467). URL: [http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/tablica-№7-\(467\)-2024.pdf](http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p-itogi/tablica-№7-(467)-2024.pdf) (date of access: 25.08.2025).
129. Russian Crime Victimization Survey (RCVS), *GitHub* [site]. URL: <https://github.com/irlcode/RCVS> (date of access: 25.08.2025).
130. Prikaz Rosstata ot 03.06.2010 № 209 "Obutverzhdenii Metodologicheskikh ukazanij po ocenke obshchej chislennosti naseleniya" [Order of Rosstat No. 209 dated June 3, 2010, "On Approval of Methodological Guidelines for Estimating the Total Population"] (in Russian) (date of access: 25.08.2025).

131. Andreev E.M., Churilova E.V. The results of the 2021 all-Russian population census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years (in Russian), *Demographic Review*, 2023, т. 10, № 3. С. 4–20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967.
132. Chudinovskikh O.S. On the issue of the possibility of studying migration based on the materials of the 2020 all-Russia population census (in Russian), *Demographic Review*, 2025, vol. 12, no. 2, p. 4–34. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27489.
133. Prokofieva L.M., Korchagina I.I. The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses (in Russian), *Demographic Review*, 2023, vol. 10, no. 2, p. 4–17. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17763.
134. Gallardo-Gómez D., Richardson R., Dwan K. Standardized Mean Differences in Meta-analysis: A Tutorial, *Cochrane Evidence Synthesis and Methods*, 2024, vol. 2, no. 3, p. e12047. DOI: 10.1002/cesm.12047.
135. Austin P. C. Using the Standardized Difference to Compare the Prevalence of a Binary Variable Between Two Groups in Observational Research, *Communications in Statistics — Simulation and Computation*, 2009, vol. 38, no. 6, p. 1228–1234. DOI: 10.1080/03610910902859574.
136. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013, *International Journal of Epidemiology*, 2016, vol. 45, no. 2, p. 395–401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.
137. Deng Y., Hillygus D. S., Reiter J. P., Si Y., Zheng S. Handling Attrition in Longitudinal Studies: The Case for Refreshment Samples, *Statistical Science*, 2013, vol. 28, no. 2, p. 238–256. DOI: 10.1214/13-STS414.
138. Watson N., Wooden M. “Identifying Factors Affecting Longitudinal Survey Response”, in: *Methodology of Longitudinal Surveys*, ed. by P. Lynn. Chichester: Wiley, 2009, p. 157–181. DOI: 10.1002/9780470743874.ch10.
139. Lugtig P. Panel Attrition: Separating Stayers, Fast Attriters, Gradual Attriters, and Lurkers, *Sociological Methods & Research*, 2014, vol. 43, no. 4, p. 699–723. DOI: 10.1177/0049124113520305.

140. Peracchi F. The European Community Household Panel: A Review, *Empirical Economics*, 2002, vol. 27, no. 1, p. 63–90. DOI: 10.1007/s181-002-8359-0.
141. Nicoletti C., Peracchi F. Survey Response and Survey Characteristics: Microlevel Evidence from the European Community Household Panel, *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*, 2005, vol. 168, no. 4, p. 763–781. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2005.00369.x.
142. Watson N. *Longitudinal and Cross-sectional Weighting Methodology for the HILDA Survey*. 2012. 58 p.
143. West B. T., Blom A. G. Explaining Interviewer Effects: A Research Synthesis, *Journal of Survey Statistics and Methodology*, 2017, vol. 5, no. 2, p. 175–211. DOI: 10.1093/jssam/smw024.
144. Rogozin D. Vliyanie interv'yuera na dostupnost' respondentov v telefonnom oprose [The interviewer's influence on respondent availability in a telephone survey] (in Russian), *Sociological Journal*, 2004, no. 1–2, p. 75–105.
145. Bärnighausen T., Bor J., Wandira-Kazibwe S., Canning D. Correcting HIV Prevalence Estimates for Survey Nonparticipation Using Heckman-type Selection Models, *Epidemiology*, 2011, vol. 22, no. 1, p. 27–35. DOI: 10.1097/EDE.0b013e3181ffa201.
146. Sokolov B.O., Korsunava V.I. Demographic correlates of attrition in longitudinal online surveys in Russia: evidence from four waves of the «values in crisis» project (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2025, no. 9, p. 34–48. DOI: 10.7868/S3034601025090046.
147. Values in Crisis International (SUF edition), *AUSSDA* [site]. DOI: 10.11587/LIHK1L. URL: <https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L> (date of access: 25.10.2025).
148. Kühne S., Kroh M. “Interviewer Effects in Panel Surveys”, in: *Advances in Longitudinal Survey Methodology*, ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021, p. 302–336. DOI: 10.1002/9781119376965.ch13.
149. Watson N. Evaluation of Weighting Methods to Integrate a Top-up Sample with an Ongoing Longitudinal Sample, *Survey Research Methods*, 2014, vol. 8, no. 3, p. 195–208. DOI: 10.18148/srm/2014.v8i3.5818.
150. Watson N., Lynn P. “Refreshment Sampling for Longitudinal Surveys”, in: *Advances in Longitudinal Survey Methodology*, ed. by P. Lynn. Hoboken: Wiley, 2021, p. 1–25. DOI: 10.1002/9781119376965.ch1.

151. Verbeek M. “Pseudo-Panels and Repeated Cross-Sections”, in: *The Econometrics of Panel Data*, ed. by L. Mátyás, P. Sevestre. Berlin: Springer, 2008, vol. 46, p. 369–383. DOI: 10.1007/978-3-540-75892-1_11.
152. Hirano K., Imbens G. W., Ridder G., Rubin D. B. Combining Panel Data Sets with Attrition and Refreshment Samples, *Econometrica*, 2001, vol. 69, no. 6, p. 1645–1659. DOI: 10.1111/1468-0262.00260.
153. Sakshaug J. W., Struminskaya B. Augmenting Surveys with Paradata, Administrative Data, and Contextual Data, *Public Opinion Quarterly*, 2023, vol. 87, no. S1, p. 475–479. DOI: 10.1093/poq/nfad026.

Information about the authors

Ruslan K. Kuchakov

Director of the Institute for the Rule of Law, European University
at Saint-Petersburg

Dmitrii E. Serebrennikov

Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University at
Saint-Petersburg; Leading Researcher of the Kazakhstan Sociology Lab,
Corporate Foundation «El Umiti» Foundation»

Dmitrii D. Bobrikov

Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University
at Saint-Petersburg

Sergey V. Bondarkov

Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University
at Saint-Petersburg

Timur Yu. Bocharov

PhD, Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University
at Saint-Petersburg

Arina S. Gегelman

Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University
at Saint-Petersburg

Aryna Dzmitryieva

PhD, Researcher of the University of Hagen

Alex V. Knorre

PhD, Assistant Professor in the Department of Criminology of the University
of South Florida

Vladimir E. Kudryavtsev

Graduate student of the Florida State University; Associate Research Fellow
of the Institute for the Rule of Law, European University
at Saint-Petersburg

Victor V. Ledenev

Researcher of the Institute for the Rule of Law, European University
at Saint-Petersburg

Timur En. Osmanov

Visiting Lecturer, Department of Methods of Collecting and Analyzing
Sociological Information, Department of Sociology, Faculty of Social
Sciences National Research University Higher School of Economics

Dmitriy A. Skougarevskiy

PhD, S.A. Muromtsev Associate Professor of Empirical Legal Studies at the
European University at St. Petersburg

Ekaterina A. Khodzhaeva

Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute
for the Rule of Law, European University at Saint-Petersburg; visiting
researcher of the Institute of Socio-Political Research, Paris Nanterre
University